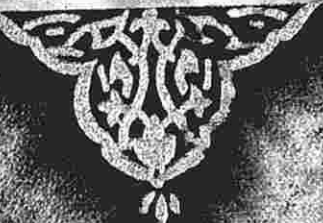

ХАГАНИ

Избранные
произведения

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР*

АЗƏРБАЙҶАН ССР ЕЛМЛƏР АКАДЕМИЈАСЫ
НИЗАМИ АДЫНА ƏДƏБИЈАТ ВƏ ДИЛ ИНСТИТУТУ

ХАГАНИ ШИРВАНИ

*Сечилмиш
досдрлари*

АзəрбајҶан ССР Елмлəр Академијасы Нəшријаты
Бақы — 1959

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА имени НИЗАМИ

ХАГАНИ ШИРВАНИ

*Избранные
произведения*

2-69096

М. Ф. Ахундов адына
АзəрбајҶан Республика
КҶТАБХАНАСЫ

2

Издательство Академии наук Азербайджанской ССР
Баку — 1959

Перевод *Владимира Державина*

Редактор *А. В. Старостин*

Предисловие: *М. Ю. Гулизаде*

Комментарии и примечания:
М. Ю. Гулизаде и М. С. Султанова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Хагани принадлежит к той блестящей плеяде поэтов и мыслителей Азербайджана, которые своим могучим поэтическим талантом, высоким художественным мастерством и широкой образованностью сыграли большую роль в развитии поэтической культуры не только Азербайджана, но далеко и за его пределами.

Родина Хагани — Ширван издревле славится на всем Востоке высокой культурой, обогатившей сокровищницу мировой литературы такими мастерами художественного слова как Хагани, Фелеки, Зульфугар Ширвани, Сеид Азим, Сабир и др.

Хагани является выдающимся поэтом и мыслителем, оказавшим благотворное влияние на дальнейшее развитие поэзии Востока. В его замечательных произведениях нашли яркое отражение протест прогрессивных людей XII века против социальной несправедливости и в то же время высокая поэтическая культура азербайджанского народа.

Появление в XII веке в Азербайджане таких крупнейших поэтов как Хагани Ширвани, Низами Гянджеви отнюдь не случайное явление. Это было подготовлено развитием богатой многовековой культуры Азербайджана. Несмотря на непрерывные опустошительные нашествия иранских, арабских и сельджукских завоевателей, несмотря на жестокую феодальную эксплуатацию, талантливый азербайджанский народ в трудных условиях средневековья создал и развивал дальше культуру своей страны. XII век в общественной жизни Азербайджана является периодом сравнительного затишья феодальных завоеваний после сельджукского нашествия. Поэтому в этот исторический период наблюдается значительное оживление экономической жизни Азербайджана. «Изгнание захватчиков и упрочение Ширванского и Эльдегезидского государств в XII веке благоприятно сказались на развитии производительных сил.

В XII и начале XIII века основное место в экономической жизни Азербайджана занимало земледелие, которое значительно разви-

лось по сравнению с предшествующим периодом. Наряду с выращиванием хлебных злаков, большое распространение получило возделывание хлопка, клевера и шафрана. Расширялась площадь посевов на Мугани, в Мильской степи, в Гянджинской, Урмийской, Тебризской и Зенджанской областях»¹.

Успешно развивались азербайджанские города, в которых наметились значительные сдвиги в росте ремесленного производства, горючкочаства, обработке шелка и кож и т. д. В таких крупных городах, как Тебриз, Барда, Гянджа, Шемаха, Нахичевань, производились сельскохозяйственные орудия, текстильные товары, оружие, предметы домашнего обихода. В связи с этим оживлялась и торговля. Из Азербайджана вывозились шерсть, хлопок, шелк, ковры, нефть, медная и глиняная посуда, рыба, сушеные фрукты и другие товары. С начала XII века значительно усилились социально-экономические связи Азербайджана с соседними странами, особенно с Грузией, Россией, и Европой. В усилении торговых связей с европейскими и восточными странами Азербайджан играл значительную роль.

Вывоз из самого Азербайджана ценных товаров способствовал усилению внешних связей страны и его экономической мощи. «Из Ширванского шелка-сырца в XII веке в Италию выработывали дорогие ткани. Через Азербайджан проходили международные караванные пути, соединявшие крупные торговые центры Востока и Европы. Продолжали развиваться экономические связи страны, в частности Ширвана, с Поволжьем... По сообщению арабского путешественника XII века Аль-Андалузи-аль-Гарнати, в город Бугар на Волге в обмен на пушнину ввозили азербайджанские клинки, которые здесь высоко ценились»².

Развитие экономических и торговых отношений способствовало развитию культуры и науки в Азербайджане. Оставшиеся до наших дней замечательные памятники зодчества и архитектуры свидетельствуют о высокой квалификации и мастерстве их авторов. Среди мастеров зодчества особенно популярным был Аджем и сын Абубекра из Нахичевани. Из его работ известны мавзолей Момин-хатун — жены атабека Мухаммед джахана Пехлевана и мавзолей Юсуфа ибн-Кусейра. Другой известный зодчий Джамаледдин создал мавзолей близ селения Ханега у реки Аллинджа в Нахичеванской АССР. Неизвестным автором недалеко от Шемахи на горе была сооружена крепость Гулистан. В Марале, Урмии и в других местах были построены мавзолей, здания, мечети, свидетельствующие о богатстве творческой мысли зодчих того времени. Одним из выдающихся памятников азербайджанской архитектуры является «Девичья башня», построенная в XII веке в Баку.

Широкое развитие получили астрономия, естествознание, математика, логика, география, история и философия. Еще в XI веке в Азербайджане творили такие выдающиеся ученые, как Бахманяр (умер в 1065 г.), являющийся учеником великого ученого и мыслителя Востока Абу Али Ибн-Сины (980—1037). На всем Ближнем Востоке широ-

¹ История Азербайджана, т. I. Под редакцией И. А. Гусейнова, А. С. Сумбат-заде, А. Н. Гулиева, Е. X. Токаржевского. Изд-во АН Азерб. ССР, Баку, 1958, стр. 145.

² История Азербайджана, т. I, стр. 147—148.

кую известность получил крупнейший ученый и мыслитель Хатиб Тебризи (1030—1108), создавший многочисленные произведения по логике, философии, стилистике и искусству стихосложения. Исключительный талант он проявил в области теории словесности, создал целый ряд работ по вопросам метрики и рифмы, а также по лингвистике. Его известный труд «Шархи-Хамас» был переведен на европейские языки и неоднократно издавался на различных языках.

Необходимо отметить одно обстоятельство, которое имело серьезное значение в развитии культуры Азербайджана. Дело в том, что во времена господства персидских завоевателей (III—VII вв.), захвативших огромные территории и в Закавказье, язык правителей сделался официальным административным языком. После арабского завоевания господствующим языком стал арабский. Однако многие из наместников в арабском халифате опирались на иранскую аристократию, ибо, по сути дела (особенно с IX в.), они представляли собой иранскую феодальную знать. В силу этого обстоятельства персидский язык после падения халифата опять занял господствующее положение в управлении феодальных государств. Хотя арабский язык и политической и государственной жизни уступил свое место персидскому, но, как язык религии и науки, все же остался в силе. Вплоть до XX века почти все крупнейшие ученые, историки, поэты и писатели Азербайджана в совершенстве владели арабским языком и с его помощью имели возможность пользоваться достижениями не только арабской культуры, но и других народов, творивших на арабском языке.

Таким образом, на обширных территориях Ближнего Востока, в Средней Азии, Закавказье, где народы говорили на своем родном языке, развивали свою богатейшую устную народную поэзию, феодальные правители, противопоставляя себя народным массам, культивировали персидский язык, как язык государственный и административный. Им пользовались также ученые, поэты и писатели, ибо только произведения, написанные на персидском языке, могли быть представлены правителям и получить распространение. Именно этим и объясняется то, что, в основном, в XI—XIII веках многие крупные азербайджанские поэты вынуждены были создавать свои произведения на персидском языке, в том числе Хагани, Низами и др.

В XI—XII веках развивалась придворная литература, служившая интересам феодальной аристократии. Главное внимание она уделяла панегирической поэзии, где льстиво восхвалялись «подданные» и «героизм» правителей. В длинных и пышных касидах придворные поэты приторно восхваляли властителей, их «честь и славу», воспевали красоту и «благородные свойства» феодалов и их родственников. Таким образом, придворная атмосфера губила дарование многих талантливых поэтов, отрывала их от действительности, от жизни народа, способствовала развитию формалистических тенденций в литературе. Однако в придворной поэзии были и выдающиеся таланты, которые, наряду с панегирическими касидами создавали лирические произведения, отражающие гуманистические стремления. Именно таковыми были Катран Тебризи (1010—1080), произведения которого в определенной степени отражали историческую действительность и являлись образцами художественного мастерства. Его литературное наследие сыграло значительную роль в обучении поэтическому искусству по-

следующего поколения азербайджанских писателей: Фелеки Ширвани, Хагани Ширвани и других, которые, впоследствии отвернувшись от феодального двора и глубоко осознав пошлость, абсурдность придворного искусства, осуждали произвол и социальную несправедливость феодальных властей. Невыносимая обстановка сплетен и соперничества во дворах пагубно сказалась на творческом развитии поэтов. Например, став жертвой придворных интриг, Фелеки был брошен в тюрьму крепости Шабран.

В XII веке жили и творили такие поэты, как Абул-Ула Гянджеви, Мехсети Ханум, Иззеддин Ширвани и др.

Настоящая поэзия, отражающая думы и чаяния широких слоев народных масс, развивалась за пределами феодальных дворцов. Гениальным представителем этой поэзии являлся Низами Гянджеви (1141—1209), создавший новое литературное направление, новые художественные традиции, оказавшие благотворное влияние не только на развитие азербайджанской, но и всей ближневосточной литературы.

Необходимо учесть еще то обстоятельство, что если господство арабского и персидского языков в определенные исторические периоды вытеснило азербайджанский язык и значительно тормозило развитие науки и литературы на азербайджанском языке, то, вместе с тем, овладение арабским и персидским языками дало возможность азербайджанским ученым и классикам использовать богатейший опыт науки и литературы, созданных на арабском и персидском языках. Хагани, Низами, Насими, Физули и другие представители азербайджанской литературы, кроме культуры своего родного народа, имели возможность использовать достижения арабской и иранской культур. Более того, эти поэты, создавая свои произведения на персидском и арабском языках, завоевали широкий круг читателей и оказали творческое влияние на культуру всего Ближнего Востока.

В этих исторических условиях жил и творил Хагани Ширвани.

* *

Ибрагим Афзаладдин Хагани Ширвани родился в 1120 году в Шемахе, бывшей тогда столицей Ширванского феодального государства. Отец его Али был плотником, а дед — ткачом. Хагани с детства вращался в кругу ремесленников, являющихся наиболее активным и просвещенным слоем тогдашнего общества. Мать его была нестиранкой (христианкой), принявшей ислам. Его воспитанием занимался дядя по отцу Кафиэддин Омар.

Кафиэддин был крупным ученым своего времени, он лично обучал Ибрагима современным наукам: астрономии, естествознанию, логике, юридическим наукам, грамматике и литературе. Поэт в своих произведениях неоднократно выражает признательность дяде, так много сделавшему для его воспитания и образования.

Мудрый дядя мой вел к совершенству меня,
Им даны мне познания, гордость, свобода.

Умирая, сказал он: «Ты будешь у нас
Образцом превосходства и славы народа».

Ибрагим с малых лет обнаружил блестящие способности к поэтическому творчеству. Кроме азербайджанских классиков, он изучал

произведения арабских и персидских писателей, в особенности увлекался стихотворениями известного персидского поэта Санаи (1048—1141) из Газни, автора популярного произведения «Хадигату-Хагани» («Сад истин»), и, возможно, что в знак своей симпатии и сочувствия к Санаи он избрал себе псевдоним «Хагани» (правдоискатель).

Будучи еще совсем молодым поэтом, он успел привлечь внимание литературной общественности своего времени. Видя незаурядный талант молодого поэта, глава поэтов ширваншахского двора Абул-Ула устроил его на службу во дворец, предложил принять псевдоним Хагани, т. е. принадлежавший к хагану (правителю) и даже сроднился с ним, выдав за него замуж свою дочь. В скором времени, благодаря своей высокой поэтической культуре и художественному мастерству, поэт занял одно из почетных мест во дворце.

Хагани честно служил сначала ширваншаху Манучехру II, а после его смерти — сыну его Ахситану I. Он создавал хлебные касиды в честь своих правителей, прославляя их своим могучим поэтическим словом. Но пылкий, упрямый свободолюбивый поэт не смог ужиться в шахском дворце. Придворная жизнь, полная сплетен, пошлости и лицемерия, вызвала отвращение у поэта.

Желая расстаться с ширванским дворцом, Хагани в 1151 году получил разрешение поехать в Хорасан. Но, доехав до Рея, поэт тяжело заболел, а после выздоровления ему так и не удалось продолжить свой путь. Возможно, что этому помешал мятеж гузов, в результате которого правитель Хорасана Султан Санджар потерпел поражение и был взят в плен. Но из одного стихотворения Хагани явствует, что в Рее его поездке помешал сам правитель.

Жил я в городе Рее, уехать решил в Хорасан,
В ту дорогу желанье души увлекало меня.

Но правитель упрямылся, мне он уехать мешал,
Самовластец к месту тогда приковало меня.

Он мне зло причинил, помешал он полезным делам;
Как его самодурство тогда угнетало меня!

В 1156 году Хагани получил разрешение на паломничество в Мекку — на могилу пророка Мухаммеда. Это дало ему возможность познакомиться с городами и местностями Ирана, Ирака, Сирии, посетить такие исторические города, как Хамадан, Мосул, Багдад, Дамаск и многие др. После своего возвращения в Ширван он написал философскую элегию о развалинах бывшей столицы сасанидских шахов Медан; с изумительным поэтическим мастерством он описал свои впечатления от путешествия в известной поэме «Тохфату-Ирагеин» («Подарок двух Ираков»), которую завершил в 1157 году.

В момент своего пребывания в Багдаде поэт был принят халифом Мухаммед ибн Мустахзаром, который предложил ему остаться у него на службе секретарем (дебиром). Но Хагани это предложение считал для себя унижительным и, не согласившись, вернулся в Ширван. В одном из стихотворений поэт едко высмеивает высокомерное предложение халифа.

Мне халиф говорит: «Если будешь ты мой секретарь,
Я тебя одарю, дам большое тебе повышение».

Правда, я секретарь, — бесподобен мой почерк и слог,
Все же я не намерен такое принять приглашение,

Невеликая честь — секретарствовать мне у тебя!
Даже место пезира не цель моего вожделенья!

Сам я солнце — зачем же мне вдруг становиться звездой?
Шапка, взятая в долг, для меня не почет — униженья.

Временный уход Хагани из шахского дворца принес в его поэзию свежую струю. Он написал замечательную поэму, в которой раскрыл свою душу, глубоко осознал бесперспективность жизни и деятельности во дворце. Ему было исключительно тяжело превратиться в жалкое орудие произвола и диких капризов Ахситана, потерять свою духовную самостоятельность, закрывать глаза на все мерзости, творившиеся в стенах шахского дворца.

Свободолюбивый Хагани стремился освободиться от этой золотой клетки. Под предлогом паломничества он хотел вторично и навсегда вырваться из шахского дворца, но Ахситан ему не разрешил. Тогда поэт тайно покинул свой родной край, но был схвачен около Бейлакана и брошен в каземат Шабран.

В заключении поэт написал касиду, получившие впоследствии известность под названием «Хабсийе» («Тюремные»). В одной из этих касид Хагани обращается к византийскому принцу Андронику Комнену с просьбой оказать ему помощь. Выйдя из тюрьмы, поэт после 1171 года второй раз едет в путешествие. Хотя после этой поездки он опять возвращается на родину, в Ширван, но долго там не остается и вместе со своей семьей переезжает в Тебриз, где и живет до конца своей жизни. Поэт горячо любил Тебриз. В одном из своих стихотворений он назвал Ширван своей матерью, а Тебриз — отцом.

Последние годы жизни Хагани протекают мрачно и тяжело: двадцатилетним юношей умер его любимый сын, а затем дочь и супруга. Трагическая жизнь последних лет наложила отпечаток на некоторые произведения; поэт горько оплакивал это горе в своих элениях. Умер он в 1199 году и похоронен на кладбище Сурхаб в окрестностях Тебриза.

Хагани прошел длительный и сложный творческий путь. Около шестидесяти лет своей жизни он посвятил литературной деятельности и оставил огромное творческое наследие. Но не все из его творений дошло до нас.

Произведения Хагани, богатые глубоким идейным содержанием и высоким поэтическим достоинством, на протяжении столетий привлекали внимание самых широких кругов тазкиристов, историков и исследователей. Еще автор XIII века Мухаммед Овфи в своем известном произведении «Лобаб-ал-Албаб» дал ценные сведения о биографии поэта. Позднее Довлетшах Самарканди, Абдурахман Джами, Лютфели бек Азер, Раакули хан Хидайет и другие характеризовали поэта как крупнейшего мастера художественного слова, как поэта-философа, являющегося учителем многих поколений поэтов на Востоке. Но вместе с тем, необходимо отметить, что все эти источники давали крайне скудные сведения о жизни поэта и не освещали сколько-

ко-нибудь важных проблем его творчества. Весьма ценную работу в изучении Хагани проделал известный азербайджанский ученый-литературовед Мухаммед Али Тербийет, проявивший свои большие познания в правильном освещении творчества Хагани.

Одним из первых исследователей жизни и творчества Хагани в русском востоковедении является Н. Ханьков. Его работа «Мемуары Хагани», опубликованная в 1864 году, несмотря на некоторые неверные утверждения, сыграла важную роль в изучении наследия Хагани. Но значительный шаг в этой области был сделан К. Залеманом, который исследовал, перевел и издал четверостишия поэта. Он дает много ценных биографических сведений, извлеченных непосредственно из произведений самого поэта, и правильно исправляет некоторые неверные утверждения Н. Ханькова. К. Залеман также издал в оригинале несколько стихотворений поэта.

Западноевропейские исследователи, такие, как Э. Браун, русский востоковед А. Крымский и многие другие не внесли чего-либо существенного в дело изучения наследия Хагани.

Большая работа начата по изучению творчества Хагани советскими востоковедами. В статьях К. И. Чайкина, А. Н. Болдырева, Ю. Н. Марра и других были затронуты отдельные важные вопросы изучения наследия Хагани. Большую работу проделали в этой области крупнейший советский востоковед Е. Э. Бертельс, а затем проф. Г. Араслы, проф. М. Рафили, М. Султанов, О. Вильчевский и др.

Из богатого наследия Хагани датирована очень незначительная часть. Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет прослеживание творческого развития поэта. Однако ясно одно, что Хагани начал свою литературную деятельность лирическими произведениями, газелями, четверостишиями и всю жизнь продолжал писать в этих жанрах.

В первой половине XII века незадолго до Низами, в азербайджанской поэзии лирика впервые получила свое значительное развитие именно в творчестве Хагани. Основной темой лирики Хагани является пламенная, благородная любовь, страдания в разлуке с любимой. Хагани воспевает красавицу как человека, украшающего мир красотой и разумом. И потому в газелях поэт противопоставляет возлюбленную всем красотам, всем прелестям природы:

Золотая луна пред лицом твоим светлым тускла.

Ты улыбкою солнце само притыснуть бы могла.

И когда повела ты на приступ войска своих чар,

Сразу вал укрепленный ума моего прорывала...

...Луну не ищу я, мне лик твой милей,

Мне сладостней роз эта амбра кудрей.

Да, я обезумел. Но чтобы связать

Меня, твои косы надежней цепей.

И слезы мои, как без облака дождь,

А кудри твои — облака без дождя.

Как все великие поэты-классики Востока, Хагани воспевает любовь как естественную потребность человеческого сердца, как смысл и радость жизни. Поэт этой темой раскрывает чувства и думы чело-

века, подвергавшегося моральному гнету религиозных догм и феодальных нравов. Любовь, эта вечная тема мировой литературы, у Хагани, как и у других мастеров художественного слова, приобретает глубокий социальный смысл, ибо через нее выражается стремление человека к свободе, к земному счастью, к радости жизни.

В условиях восточного средневековья воспеание любви к человеку, женщине исламское духовенство считало кощунством, грехом. Оно поощряло только божественную любовь, призывающую к отречению от всего земного, к единению, к «загробному счастью». Вот почему религиозные власти сурово преследовали жизнеутверждающую поэзию, отражающую человеческие страсти, возвышающие женщину как человека, друга и товарища.

Интересно отметить, что в лирике Хагани, посвященной теме любви, полностью отсутствует мистическая окраска, символическая, божественная любовь, как это встречается, например, в суфийской поэзии.

От лирических произведений Хагани веет теплым дыханием жизни. Его герой восхищается красотой, трогательной нежностью возлюбленной, рвется к ней, но томится в тисках бесконечной разлуки.

Для тебя я и сердцем своим бы пожертвовать мог,
За свиданье с тобою я душу бы отдал в залог.

Я стремлюсь за тобой: там, быть может, покой обрету.
Где сияет твоей красоты лучезарный цветок.

Ты меня новизной изумляешь и блеском ума,
Красота твоя сказочна, дух твой и жив и глубок.

Под лучами твоими светла моя темная ночь,
Будто ярким сияньем луны озаренный восток.

Поэт с глубокой болью описывает страдания неудовлетворенной любви, он ищет счастливого случая встречи с возлюбленной, за которую готов отдать все ценное — и жизнь. В лирике Хагани страдания любви и разлуки бесконечно сильны и тем, что в условиях средневекового исламского Востока невозможно было увидеть возлюбленную: она пряталась, закрывалась. В одном из своих стихотворений Хагани откровенно говорит об этом.

Ветерком предвесенним повеяли светлые дали,
Но от нашей весны еще вести и не долетали.

Роза утром раскрылась, свой тесный покров сорвала.
Лишь моя розоликая прядет лицо в покрывале.

Лирика Хагани пронизана духом гуманизма, дружбы, преданности в любви. Несмотря на то, что Хагани был верующим человеком, четко и ясно выражал в своих стихотворениях верность религии, воспевал часто бога и пророка, но гуманистические стремления помогли поэту разорвать цепи предрассудков и религиозной ограниченности. Он, как поэт-гуманист, с презрением относился к положениям религии ислама, культивировавшим ненависть и нетерпимость к немусульманским народам, питал горячую симпатию к христианам. В этом,

прежде всего, сказывается влияние исторических условий жизни закавказских народов — грузин, армян и азербайджанцев. Эти братские народы не только были крепко объединены жизненными интересами совместной защиты своей родины от иноземных захватчиков, но и объединены родственными чертами культуры, литературы.

Эти исторические условия оказали большое благотворное влияние на формирование мировоззрения азербайджанских классиков, у которых силы традиций дружбы оказались сильнее религиозных предрассудков.

Азербайджанский язык, азербайджанская устная народная литература, ашугская поэзия и музыка были понятны и любимы среди немусульманских народов Закавказья и Востока, ученые и просвещенные люди которых хорошо знали и высоко ценили поэтов и писателей азербайджанского народа.

Об этом свидетельствует следующее стихотворение Хагани.

Когда я пришел в благодатные земли армян,
Добро и приветливость в каждом увидел я в зоре.

В особенности — у соседей моих — христиан...
«Второй он Исак!» — я ловил о себе в разговоре.

Считали, что я к ним с четвертого неба пришел,
Внимали стихам моим, тонкость являя в разборе.

И морем назвали они вдохновенье мое,
Твердили, что в нем потонуло б Арджишское море.

О, друг, не дивись, коль от сладости песен моих
Арджишская горькая соль будет сладкою вскоре.

Эти интересные и весьма ценные слова азербайджанского поэта надо принимать за сущую правду, ибо многие исторические и литературные документы также показывают, что братские народы Закавказья читали в оригиналах произведения своих соседей и проявляли глубокое понимание их.

Любопытно и то, что религиозная вера не мешала поэту-мусульманину выразить пламенные чувства любви к грузинке-христианке воспеть ее красоту и нежность. В своих четверостишиях Хагани говорит о любви к грузинке и о том, что из-за этой любви он не только переселился в Грузию, но и стал изучать грузинский язык.

Как я красавицу-грузинку полюбил,
Чтоб с ней беседовать, грузинский изучил.

Я столько раз сказал ей: «Моди, моды, моды»,
Что каждый волос мой со мной заговорил.

Ты, христианская красавица, душа в твоем сияет взоре.
О сердце чистоты неслышанной, со всякой инуюстью ты в ссоре.

Но как же ты меня измучила! Смотри, я исхудал, как волос,
Взываю «моды» понапрасну и таю и горю из горя.

Беспевание чувства любви и дружбы к немусульманским женщинам в XII веке, когда господствовали феодально-религиозные этические нормы, являлось выражением большой смелости и свободомыслия. Хагани неоднократно в своих произведениях вспоминает легендарного героя народного дастана Шейх Санана — представителя ортодоксального духовенства, влюбившегося в христианку и принявшего из-за этой пылкой любви все условия ее отца, противоречащие мусульманской религии. Это говорит о том, что Хагани считал чувствую любви выше всех религиозных и других ограничений.

Трагическая жизнь Хагани оставила глубокий след в его творчестве. Судьба бросила его в шахский дворец, и он стал придворным поэтом. Но эта должность отнюдь не соответствовала призванию и характеру Хагани как человека, страстно любящего правду и справедливость.

Придворная жизнь сковывала творческие стремления поэта-новатора, связывала и ограничивала его творческую энергию.

Должность придворного поэта заставила потратить мощь огромного таланта Хагани на создание панегирических стихотворений, хвалебных касид в честь правителей. Правда, поэт блестяще справлялся с этой задачей. Но через некоторое время он понял всю ничтожность своего занятия.

В своих панегирических касидах Хагани в приподнятом вычурном стиле возносил до небес представителей придворной знати, гиперболически воспевал «подвиги достоинства» правителей. Печально, что реакционная придворная поэзия с ее весьма ограниченным и чуждым народу идейным содержанием и формалистическими художественными приемами оказала отрицательное влияние на развитие выдающегося таланта Хагани. В творчестве поэта было заметно влияние и религиозного мировоззрения. Это обстоятельство ограничивало высокое поэтическое искусство Хагани тесными рамками, обедняло содержание его произведений. Однако впоследствии поэт нашел в себе силы избрать правильный путь, соответствующий характеру и масштабам его дарования. Наделенный гордой, непокорной душой, полный гуманистическими стремлениями, Хагани все больше и больше замечал произвол и несправедливость правителей и их приближенных. В результате этого в стихотворениях Хагани с течением времени усиливались мотивы обличения феодальных правителей, ненависть к их богатству и власти.

Дворцы царей подобны морю; нет в этом море перламутра,
Но стаями акул теснятся там лизоблюдов жадный сброд.

А сердцу, любящему правду, — пусть покровительствует
разум.

Он верный путь добру проложит и шею жадности свернет.
Довольствуйся уединением, покоем и лепешкой хлеба
И не ищи у царских тронов чинов, отличий и щедрот.

Поэт утверждал, что «плоды на ветвях государства очень кислы, все дары и деяния шахов ничтожны и не стоят того, чтобы их восхвалять».

Эти гневные и мудрые слова Хагани, осуждающие могучих властителей, имели громадное значение для усиления в поэзии социальных мотивов, направленных против феодального гнета.

Жизнь в заключении помогла Хагани яснее осознать всю унижительность служения феодалам, открыла ему глаза на произвол и самовластье правителей. Это наполнило сердце поэта непримиримой ненавистью к миру феодалов, рабству и несправедливости, царившим в средневековой действительности. Он писал:

Сердце больше не мучит забота о хлебе насущном.
Я свободен от мира, где властвуют зло и обман.

Люди стонут и страдают в труде, чтобы день прокормиться.
Получают же крохи, как шахский предпишет фирман.

Ни из чьей я руки не беру ни даров, ни подачек.
Я, как птица, кормлюсь от рассыпанных богом семян.

Таким образом, мы видим последовательное нарастание недовольства Хагани феодальной действительностью. Поэт все с большей силой обрушивается на социальное неравенство, обличает косность и самодурство правящей феодальной знати, выражает недовольство трудовых масс алчностью и жестокостью властей.

В творчестве Хагани значительное место занимают его «тюремные» касиды («Хабгий»). Эти касиды поэта отличаются богатством общественно-философских мотивов, осуждением социальных несправедливостей. В них с особой силой и страстью выражен мятежный дух поэта-мыслителя, томившегося в тисках бесправия и неволи.

Кровавые волны души моей бьют в небосвод —
И млечная арка багряным сиянием цветет.

Я, как соловей, среди черных колонок поник,
Навек я утратил надежду на этот цветник.

Похожа, судьба, на базарного ты мясника,
Чей нож окровавлен от кончика до черенка.

Налево — весы, а направо — ягнята стоят.
Берет он упитанных, тощих. И режет подряд.

Всем низменным жирная часть доставалась легко,
А мне среди них и до части худой далеко.

Утрачена совесть. Ни страх им неведом, ни стыд.
Падеж на скотину напал, а пастух не скорбит.

Я счастья искал, не смыкал я в ночи своих век...
Нет верности в мире. И рухнуло здание надежд.

Эти строки, полные негодования, в то же время звучат как протест трудовых масс, томящихся в тисках нужды, гнета и страдания.

Поэма Хагани «Тохфатул-Ирагейн» («Подарок двух Ираков») является одним из лучших произведений поэзии всего Востока. В этой поэме в ярких и живых образах поэт отразил богатые впечатления своего путешествия на Восток. Он с увлечением рассказывает о новых интересных краях, городах, о тех известных людях, с которыми пришлось ему встретиться. Интересна, например, поэма «Обращение к солнцу и порицание золота», полная остроумных и поучительных отступлений.

За золотом не должен гнаться тот,
Кто в сердце знание истины несет.

О золото! Страданий корни в нем!
Оно по сути родственно с огнем.

Назвал я вором золото. Оно
С двуличной красавицей сходно.

Чтоб не сгубить себя, расстанься с ней!
Пусть это идола, идола ты разбей!

Протест против золота у Хагани звучит как протест против социального неравенства; богатство, которое не приносит счастья людям, а обеспечивает в условиях феодального строя счастье только незначительной части общества. Поэт и здесь рассказывает о своей печали, о своем горе и унижении судьбой.

Среди многочисленных горьких жалоб поэта на свое время, на правителей, четко и ясно отражается глубокая любовь к своей родине, к народу. Он страстно любил Ширван, но его терзало сознание того, что замечательный обильный край, благодаря призову жестоких тиранов, стал очагом зла и мракобесия. Об этом он говорит в поэме в главе «Встреча и беседа с Джемаледдином Мосульским». Он рассказывает, что в Ширване царствует беда.

Там голод и нужда, и грех, и тьма;
Весь город этот ныне, как тюрьма.

Там не бывает радостного дня.
Там небо дышит яростью огня.

Таким образом, осуждение произвола и тирании феодальных владельцев, воспевание свободы и разума человека, радостный труд, любовь к науке и просвещению — являются основными мотивами поэмы Хагани «Тохфатул-Ирагейн».

Чувство гордости и любви к родине проходит красной нитью в произведениях поэта.

Поэт с исключительной любовью описывает красоту природы Азербайджана. Он пишет вдохновенные строки о Ширване, Дербенте, Баку, Тавризе. В одной из своих касид поэт с восхищением описывает Каспийское море и Баку. Он ставил Баку выше крупнейших городов того времени.

В силу исторических условий мировоззрение Хагани формировалось под влиянием господствующей религиозно-идеалистической идеологии феодального общества. Но Хагани был весьма образованным человеком своего времени. Он блестяще изучил не только современную ему науку, но и арабские переводы, а также древнегреческую философию. Религиозная идеология наложила определенный отпечаток на идейное содержание произведений поэта. Но вместе с тем Хагани, как выдающийся прогрессивный поэт и мыслитель, критически относился к догмам шариата и в своих произведениях сурово осуждал тупоумие и формализм религиозных властей, подвергал критике религиозные преграды, мешающие широкому общению народов разного исповедания, зло высмеивал лживых проповедников, шейхов, использовавших религию для своих корыстных целей.

Поэтическое наследие Хагани обладало большой силой воздействия. Его произведения отличались высоким поэтическим мастерством, чеканностью формы, богатством художественных средств и потому служили замечательными образцами не только для последующих поколений азербайджанских поэтов, но и для писателей всего Ближнего Востока.

Хотя некоторые стихотворения Хагани давно были переведены на русский язык, настоящие «Избранные произведения» азербайджанского поэта впервые предлагаются вниманию широких масс советских читателей в таком большом объеме.

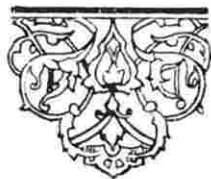
Крупнейший знаток наследия Хагани Е. Э. Бертельс всегда отмечал чрезвычайную сложность и трудность поэтического перевода произведений Хагани. В самом деле, Хагани является одним из редчайших поэтов, трудно поддающихся переводу, потому что его стихотворения изобилуют историческими, мифическими образами и понятиями, которые чрезвычайно трудно раскрыть и вложить в перевод. Хагани является искусным мастером образной поэтической речи, составляющей специфику его языка. Разумеется, и эта специфика трудно поддается переводу.

Несмотря на отдельные трудности и неточности, которые неизбежны при поэтическом переводе, Владимир Державин в целом блестяще справился с этой трудной задачей. Владеливший богатым творческим опытом в области перевода восточной и среднеазиатской поэзии, Вл. Державин сумел найти удачные способы сохранения колорита и духа оригинала.

Большое счастье для азербайджанской поэзии и для азербайджанского народа, что произведения Хагани более чем через восемьсот лет приобрели еще невиданный в истории широкий круг читателей. Это стало возможным только в условиях нашей социалистической действительности, благодаря великой заботе советского правительства и родной Коммунистической партии, сделавших достоянием миллионов богатейшее литературное наследие народов СССР.

ПОДАРОК
ДВУХ
ИРАКОВ

Коль хочешь ведать таинства стихов,
Учись у мудрых истинных певцов.

Я искуса тяжелый путь прошел,
Покамест солнце разума обрел.

И стал я в мире слов, как солнце дня
Певцы другие — звезды вокруг меня.

Орбиты их в лучах моих идут, —
И у меня свой блеск они берут.

Вот так луна, блестящая в ночи,
У солнца мира в долг берет лучи.

Но, бледная, сливаясь с синевой,
С восходом солнца блеск теряет свой.

ОБРАЩЕНИЕ К СОЛНЦУ И ПОРИЦАНИЕ ЗОЛОТА

За золотом не должен гнаться тот,
Кто в сердце знанье истины несет.

В младенчестве — на утре наших лет —
Нас привлекает блеск и яркий цвет.

По цвету роза с золотом сходна,
И гибнет в муках оттого она.

Как искра, золотой песок в русле,
Как кровь, застыло золото в земле.

А царский обрета чекан, оно
Несет мученья сердцу — зла полно.

Тот, кто в кисете видит жизнь и свет
Себе затянет шею, как кисет.

Чья сила только в толщине мошны,
Хоть он богач, он раб своей казны.

О золото! Страданий корни в нем!
Оно по сути родственно с огнем.

Близки их имена: Зар¹ и Азар².
Начало имени Зардушта³ — Зар.

С холодным сходно золото огнем,
Огнепоклонник бога видит в нем

Огнем застывшим льда не растопить,
Родник души закрытой не открыть.

Перед казной несметною скупца
Живые не раскроются сердца.

Пусть из железа жадности твой щит
От чувств горячих сердце защитит, —

Но будет злато — злая власть его —
Магнитом для железа твоего.

Железо алчности сними с груди,
От золота-магнита отойди!

Назвал я вором золото. Оно
С двуличною красавицей сходно.

Чтоб не сгубить себя, расстанься с ней!
Пусть это идол, идол ты разбей!

Увидел прозорливо Хагани, —
В кумирне этой идола одни.

Но идола я эти сокрушил,
В цветник огонь Нимрода превратил⁴.

Кто предан сути шестиглавой сей⁵,
Того поглотит семиглавый змей⁶.

И тот, в чьем сердце золотой царит,
Тот истины зеркала не узрит.

О ты, дающий камню блеск и цвет,
Чья суть — сиянье, радость, жизнь и свет.

О солнце! Льешь ты свет бесплатно всем,
Дары ты сыплешь безвозвратно всем.

Всех одарить добром тебе легко,
Ты щедро, необъятно велико.

Твой блеск по яшме царственной скользит
И под ногами низкого лежит.

Ты щедро в ласке к существу всему,
Отказываешь мне лишь одному.

Так поступают лишь враги одни,
Как ты со мной. Во тьме влачу я дни.

Шарван⁷ твоим сиянием озарен,
За что же я в потемки погружен?

И некому мне скорбь мою открыть,
И не с кем мне печали разделить.

Сижу в углу убогом, унижен,
В страдания и горе погружен.

В гортани жар фарсидского огня,
В груди кинжал индийский у меня⁸.

Я жертва злых завистливых людей,
Повис петлею сорванных дверей.

Кому об этом зле я расскажу?
Без ног, подобно камню я лежу.

Меня тяжелый молот поразил
И стан мой в «мим»⁹ согбенный превратил.

О солнце! Свет ты каждому даришь,
Ты на пороге нищенском лежишь!

Но скручен я в кольцо. Жгутом я свит,
Мой стон восходит кольцами в зенит.

Едва забрезжит утренняя рань,
Кольцо огня сжигает мне гортань.

И в кольца воплей там — в твоих лучах —
Вдевает ноги Дева¹⁰ в небесах.

И новый узел уз моей души
Завязывают небеса в тиши.

Подъемля стяги над бегущей тьмой,
Зачем ты не развяжешь узел мой?

И вскользь не глянешь ты в мое окно,
Проходишь, от меня отвернуто.

Средь многих окон есть окно мое,
Но для других сияние твоё.

Слепой нарцисс, хоть он и безголов,
В венце из золота и жемчугов.

Кому ты отдал с пальца своего
Кольцо? Ничтожный выбросил его!

Где золото? Оно внутри узла,
Что нам судьба таинственно дала.

Сегодня недостойный — высоко,
Дары судьбы он приобрел легко.

Но высшей цели достигает тот,
Кто в ноги перед низким не падет.

Зло пропускает наше решето,
Сегодня правды не найдет никто.

Исчезли доблесть, мужество людей,
Нет ни добра, ни верности друзей.

Враждебна нам судьбина. Ты взгляни:
Завистливо и солнце в наши дни.

Неужто так? Нет, нет! Ошибся я;
Сказала это прихоть лишь моя!

ПОДРОБНОСТИ ПУТЕШЕСТВИЯ

По воле повелителя времен,
Я был из Града Зла¹ освобожден.

И я пустился в путь — к стране иной,
Овеян ширью вольною степной.

Покинув град, где грех царят и мрак,
В далекий я отправился Ирак.

Оставя край, где море в берег бьет,
За Сефид Руд² я перебрався в брод.

Семь Кухистана³ славных городов
Прошел я, как прекрасных семь садов.

О Кухистан, страна, где веет мир,
Где среди камней таится эликсир⁴!

Предел благословенный бытия, —
Его земля чиста, как тутия⁵.

Здесь праздник каждый день в любом саду,
Четыре здесь весны цветут в году.

Граница тут — сплошной зеленый сад,
Гвоздики в том саду чаруют взгляд.

Здесь Хузистан⁶ румийским бьют огнем,
Здесь Индии ответ дают конем.

Здесь поздней осенью цветут цветы,
Над реками красуются мосты.

Здесь восьмиликий цвет в садах цветет,
Мосты из камня здесь — в один пролет.

Свободны от разбоя горы здесь
Одни лишь казначеи — воры здесь.

Страна, как рай земной, в сплошных садах,
Но власть у адских выходцев в руках.

Увидев низких нравом, от беды
Ушел я. Им оставил их сады.

И, наконец, прибрел я — еле жив —
К лугам, где сам охотился халиф.

Не видел лучше мест за жизнь свою,
Решил, что оказался я в раю.

Стояли стройно воины в рядах
Бесчисленны, как звезды в небесах.

Они из ножен извлекали мечи,
Блισταющие ярко, как лучи.

И были письма на их мечях:
«Дай нам победу всеблагой аллах!»

Кто в грозных войнах мог врага крушить,
Тех, верно, в мелких битвах не разбить.

Их одеянья пышные пестры,
Как сабли, языки в бою остры.

Когда же ослабеют языки,
Им в споре помогают их клинки.

Как тысяча ударов их удар,
Их клич бросает всех в озноб и жар.

Блестящий шлем им заменяет ум,
Их шлем — вместилище глубоких дум.

Прижатые же к сердцу сабли их
Дороже душ, наверно, им живых.

Хотел попасть я в этот пышный стан
Я ждал, что призовет меня султан.

Чело я пред вельможами склонил
И так почтительно заговорил:

«О избранные люди, в этот час
Жду помощи я только лишь от вас.

Перед самым царем стоите вы,
Владыке обо мне скажите вы.

Избавившись от бедствий, я достиг
Владений первого среди владык.

Султану я хвалу хочу воздать
И руку у него поцеловать!»

Отряд блестящий мимо пропылил,
Вниманья на меня не обратил.

Была пред ними втуне речь моя,
Беспомощен, один остался я.

И некто, словно солнце в вышине,
Парчой блистая, подошел ко мне.

То был сияньем озарявший мир
Властителя иракского везир.

Чтоб райских я восьми достиг дверей,
Судьба мне кости бросила скорей.

И мне четыре выпало вдвойне⁷
И к счастью эта встреча стала мне.

ВСТРЕЧА И БЕСЕДА С ДЖЕМАЛАДДИНОМ МОСУЛЬСКИМ¹

Излил пред ним я ток стихов моих
И выслушал и похвалил он их.

Раскрыл уста ходжа. А говоря,
Он перлами наполнил бы моря.

Издревле жемчуг в море возникал,
А он свой жемчуг морю отдавал.

И жемчуга речей его поток
Украсить мог бы сей двойной чертог.

Приятен был, как веянье ночей,
Как песнь Забура², звук его речей.

Свое лицо ко мне он обратил
И так меня приветливо спросил:

«Кто ты такой и как тебя зовут?
Откуда родом? Что ты ищешь тут?»

Сказал я: «Родина моя — Ширван,
Мое занятие — песен ткацкий стан.

Хоть плотником простым отец мой был,
Он в мудрости был, как пророк Халил³.

В пещере бедствий изощрил я ум
Средь размышлений и бессонных дум.

Но небосвод, безжалостно суров,
Меня поверг в глубокий ад грехов.

Но в воле вашей милости теперь
Из ада бедствий в рай открыть мне дверь.

Дорогою стремления сердец
Прошел я землю из конца в конец.

И все, чем я живу и чем дышу,
Как сына, богу в жертву приношу»⁴.

Ходжа спросил: — «Как ты в Ирак попал?
Зачем с отчизной ты своей порвал?»

Ответил я: — «Там царствует беда,
Там горек хлеб и солонa вода.

Там голод и нужда, и грех, и тьма;
Весь город этот ныне, как тюрьма.

Там не бывает радостного дня,
Там небо дышит яростью огня.

Там для питья негодны воды рек
И, как в аду, томится человек.

В аду горящем бедствий и нужды
Никто не хочет насаждать сады»⁵.

От гибели судьба меня спасла,
И в сторону Ирака привела.

И я, ходжа, придя в страну твою,
Увидел изобилье, как в раю.

Вот — из Канана⁶, где я голодал,
В Египет благодатный я попал!

Пусть примет светлый сам меня халиф,
В его владеньях буду я счастлив.

Как мотылька, вокруг чалмы своей
Вращай меня, веди к царю царей.

И хоть султанский славится дворец,
А где у вас такой, как я, певец?

Пусть трон царя и выше всех похвал,
Но кто его достойно воспевал?

Ведь перстень, как бы ни был он хорош,
Нуждается он в воске чистом все ж.

На перстне вязь писем обратных есть
И лишь на воске можно их прочесть».

Ходжа сказал: «Высоко метишь ты,
Но совершенством, друг, не светишь ты!

Ты недостойн близко к трону стать. —
Себя ты очень любишь восхвалять.

Невежда лишь доволен сам собой,
А скромность — путь к познанию прямой.

Твердишь ты: «Я!» да «я!» От хвастовства
Грудь разорваться может и у льва.

Поверь — и горло доблестных людей
Способно лопнуть от пустых речей.

Пуста бездоказательная речь,
Коль украшения с нее совлечь.

Ведь каждого, чей предок был Адам,
Мы судим по делам, не по речам.

Ты, как павлин, расхвастался; а он,
Взглянув на ноги, замолчит, смущен»⁷.

Коль в зеркало посмотрит невзначай,
Себя в нем не узнает попугай.

А кто себя не знает сам, как ты,
В искусстве не достигнет высоты.

Конечно, любит наш халиф певцов,
Но он знаток тончайший строя слов.

Кто не умеет тонко говорить,
Не может властелину угодить.

И свет, что озаряет целый век,
Понять не может каждый человек.

Ты — нуль, а царь — сокровище наук,
В нем моря мудрости вместилися круг.

Ты — разумом дитя! Свой угол знай
И пред царем являться не дерзай!

Дверь клада заперта. Так отойди
И спящего дракона не буди.

Ты не бахвальствуй, ударяя в грудь.
Направь стопы домой — в обратный путь.

Ты должен был, как скромный ученик,
Перед учителем связать язык.

Пусть речь твоя остра, она пуста,
Ты лучше спрячь язык в темнице рта!

Чтоб не глумились люди над тобой,
Сдержи язык неугомонный свой!

Язык как сабля, но не спят враги,
От сабли шею ты побереги.

Ислам ты этой саблей прославляй
И в злато рукоять не оправляй.

Язык наш — лишь геенны тела страж,
Молчанье — к раю ключ надежный наш.

Немою рыба рождена в морях,
А место ей нашлось на небесах⁸.

Зато язык у змея раздвоен,
И был навек из рая изгнан он.

Ты государя видеть не стремись,
Сдержи язык свой и поберегись.

И не стучи напрасно в дверь тщеты.
Вернись в тот город, где родился ты.

Иди и школу мудрых посещай,
Прилежно все науки изучай.

Доколе ты — аджам⁹, ты помолчи.
Сперва язык арабский изучи!

Когда невежества развеешь мрак,
И зрелым будешь, приходи в Ирак!»

Я отвечал: «Я долго был в пути,
И нечего домой мне унести.

Что вместо дара я возьму с собой
В страну свою, объятую нуждой?

Меня соседи спросят и друзья:
«С чем ты пришел?» — а что отвечу я?

Чтобы тебя не стал народ хулить,
Пустым бы я не должен уходить».

Ходжа сказал: «В подарок перстень мой
Возьми и унеси его домой!

Печать и камень этого кольца
Прославлены везде, где чтят творца.

Всем телом, всей душою береги
Кольцо, чтоб не похитили враги!

А в камне перстня видящий узрит
Весь мир, как в чаше видел шах Джемшид¹⁰.

Нося кольцо, не бойся ничего, —
И вор, и джинн, и смерч бегут его.

На нем святых пророков имена
И врачеванья мощь кольцу дана.

Пред этим перстнем гибнет Ахриман¹¹.
Он от Джамшида мне в наследство дан.

Иди в Ширван и не страшись нужды, —
Кольцо тебя избавит от беды.

Но получив богатство это, друг,
Смотри, не упускай его из рук.

Джамшид, владевший им, в дали веков
Был царь семи вселенной поясов¹².

И перстень сохранит тебя в беде,
Укажет яд в шербите¹³ и в еде.

Носи его, в нем свет твоей души!
На зло врагам, на перстне напиши:

«Сие кольцо в подарок дать нельзя
И за сокровища продать нельзя!»

Но я боюсь, о странник, до конца
Ты не познаешь ценности кольца!»

Так он сказал и мне кольцо вручил
И низко я главу пред ним склонил.

Я благодарностью воздал ему
И долгой жизни пожелал ему.

От мужа, что вручил мне этот дар,
Я двинулся назад, как Сад-акбар¹⁴.

Увидев, что добра судьба ко мне,
Я обратился в путь к родной стране.

И снова пересек я Кухистан,
И наконец пришел к себе в Ширван.

Едва пришел я в город свой, едва
Омылся, о кольце пошла молва.

И на досуге всякий говорил
О талисмানে том, что я носил.

И сам носитель царского венца
Проведал и ко мне послал гонца.

Чтоб завладеть кольцом, он стал пугать
Меня, и угрожать, и вымогать:

«Доволен будь, что жизнь цела твоя!
Пришли кольцо! Джамшид сегодня — я!»

В сем перстне скрыта сущность бытия
Отдай его, в потемках не тая!

Тебе кольцо такое не к лицу,
К железному привычней ты кольцу.

С кольцом Джамшида не играй, смотри!
Зла на себя не навлекай, смотри!»

Я молвил «Справедливостью хакан
Прославлен был. А ныне он — тиран!»

Ведь шахи — справедливы были встарь.
Не годен нам несправедливый царь.

Лишь справедливость зиждет и творит,
И небо справедливостью стоит!

Когда бы справедливость не дала
Воды земле — и роза б не цвела.

По справедливости родят поля
И в равновесье держится земля.

И справедливость льет свои лучи
Весной на огороды и бахчи.

И розы, — тех, что их сорвать спешат, —
Шипами справедливости являют.»

Гонец мне: «Ты продай, я говорю!
Тебе за перстень город подарю!»

Сказал я: «Ни продать, ни подарить
Нельзя, как солнце грязью не покрыть.

За эликсир вселенной, за бальзам
Я перстень вам волшебный не отдам!»

На перст себе надев его порою,
Я возвышаюсь до луны главой

Моря, что Хызр¹⁵ когда-то облетел,
Все — в гранях перстень мой запечатлея.

Когда стригу я ногти, небосвод
Их серпиками лунными зовет.

Когда в труде изнемогал мой дух,
У перстня силу почерпал мой дух.

Кольцо скрывал в тюрбане я своем
Или носил в кармане потайном.

И в ужасе при мысли о ворах,
Его я прятал в разных тайниках.

Вдали от камня светлого того
Лишался я покоя моего.

Яджудж¹⁶ унынья, подступив тайком,
Как крепостью, овладевал умом.

Желаний джин¹⁷ с пути меня сбивал,
Мечтаний див в колодец повергал.

Дух алчности меня к Тагану гнал,
Дух жадности к Сабуктекину звал¹⁸.

Один твердил: «Иди, хвали царей!»
Другой — «Воспой прославленных людей!»

Но без движенья я в своем углу
Сидел на голом земляном полу.

Когда же доводилось голодать,
Презренных приходилось восхвалять.

Едва освобождался я от бед —
Дракону попадался на обед.

Как золотая чаша на пирах,
У низких духом я бывал в руках.

Но ведь когда из чаши гости пьют,
Ее пустую кравчим отдают.

Пока мой дух, как чаша, не разбит —
Я, видно, не избуду этот стыд.

Но не позор ли — чашей Джама быть
И чистой влагой подлый сброд понты!

О ВРАГАХ

Меня терзают несколько ослов,
От их злодейства мой удел суров.

Скоты, хоть по две им ноги даны,
Отцов презренных подлые сыны.

Они крадут узоры слов моих,
С своею грязью смешивают их.

Когда их жалких бейтов ряд звучит,
Я весь киплю, меня терзает стыд.

Они — хоть люди — дива в них черты,
Зловонной нечистью полны их рты.

Столикие — вокруг они кишат,
Как дивы, извергая дым и смрад.

Невежды. И любой из них — мулхуд¹
Они святым исламом торг ведут.

Они провозглашают: «Аламут!»²
А сами до сих пор, увы, живут.

Язык арабский зная, ты поймешь,
Что аламут и смерть одно и то ж.

«Мы прямы, как алиф»³ — они кричат,
Но «хей-хавас» кривее их навряд.

В угоду подлым людям им не жаль
Дугою спины гнуть, как «нун» и «даль»⁴.

Они двуличьем превзошли Багдад,
Предательством они Куфу⁵ затмят.

Но как в игле со сломанным ушком,
Ни пользы в них, ни толку нет ни в ком.

Ведь без ушка игла — кому она,
Для швейных дел негодная, нужна?

Но подлостью и глупостью полны,
Они для разрушенья рождены.

Ничтожества — хотят уверить нас,
Что мудрости они высокий глас.

Я жизнь свою прожить хотел не зря,
Струя благоуханье инбиря.

Ну, а у этих — в пасти кровь и гной,
И смрад идет от этой своры злой.

Увидя жирный у меня кусок,
Ко мне все так и лезут на порог.

После меня вина остатки пьют
И на меня потом помои льют.

Они приходят рвать плоды в мой сад
И тушат злобно огоньки лампад.

Едят остатки трапезы моей,
Мой дом ограбить мысль похитрей.

Они уроки у меня берут,
А после, как собаки, плац мой рвут.

Хранитель я священного огня,
Затем они и лают на меня.

Они и мысли и слова мои
Воруют, повторяя, как свои.

Что солнца лик скрывает? — Облака.
Но солнце поднимает облака!

Как некий ангел, я возвысил их.
Кого возвысил я? — Врагов своих!

Беда тому, кто в сей водоворот,
Предательства и злобы попадет.

Но хоть они сейчас вознесены,
Падут они, судьбой посрамлены.

Разумный только правды слово чтит,
Он амбру от соломы отличит⁶.

Луну небес не приравнять к луне,
Что нарисована на полотне.

Луна небес в движении, жива,
А эта неподвижна и мертва.

Луну живую с солнцем свет родинит,
А эта ртутной краскою блестит.

О СВОЕМ ДЕДЕ ТКАЧЕ

Я в доме ткаческом рожден на свет,
Меня учил искусству ткач — мой дед.

Коль ночью взгляд свой к небу возведешь,
Ты хлопковое поле звезд найдешь.

Из хлопка звезд мне ниток нарядут
И в мастерскую духа отдадут.

Там мерно ходит вечности челнок,
Сбивая в ткань основу и уток.

И там я тку для Хызра и Мусы
Узоры слов неслыханной красы.

Ту ткань, что я из духа ткать могу,
Им на чалму и плащ я дать могу.

А если плащ из веры будет сшит
Он, как Иасин¹ в Коране, заблестит.

Я тку плащи для спутников судьбы —
Тончайшие, не для земной тропы.

И что ни ночь на стане у меня
Растут стихи из влаги и огня.

Из слов простых я чудо создаю,
В словах огню и влаге жизнь даю.

Достоин тонких слов моих узор
Быть в небе покрывалом Трех Сестер².

Когда я в мастерской высоких дум
Сажу один под звон станка и шум,

Я ангелам одежды создаю.
Я одеянья вечности крою.

Как шелковичный червь, я нить пряду,
Я вечно предан, как паук, труду.

Но не паук в углу — противный всем,
Я — шелкопряд, дозволенное ем.

И был бы шелковичный червь таков,
Когда бы кокон он вязал из слов.

А брэнную одежду паука
Сметает в миг хозяйская рука.

Аскетом шелковичный червь просыл,
Но труд его красивым девам мил.

Как шелкопряд, я в коконе таюсь,
И весь свой век без усталости тружусь.

У шелкопряда — брови и глаза, —
И прятать надо брови и глаза.

Красавице красу своих бровей
Скрыть подобает от чужих людей.

Я — первый песнотворец в наши дни
Узоры мыслей ткущий — Хагани.

В убежище отшельников сажу
И одеянья мудрости вяжу.

Я ткач разумных преданных людей,
Я тку ковер для избранных друзей.

ОБ ОТЦЕ — ПЛОТНИКЕ АЛИ

А по отцу я плотник ремеслом —
По древу слов работаю теслом.

Прославленный в резьбе, уменьем рук
Из радуги я делаю свой лук.

Щепу, летящую от топора,
И старцы мне несут, и детвора.

И стружки от рубанка моего
Сравнил Эдем с кудрями дев его.

Я распилил на доски дуб судьбы,
Для дел токарных взял я ветвь тубы¹.

Я из нее чернильницу точил,
Тахту из досок вечных сколотил.

Ормузд² великий, молви мне, где ты?
Я выправил бы ось твоей тахты!

Где Ной? Ему б ковчег я заложил
Линейку бы и циркуль подарил!

Покамест не покинул я Шарван,
Он будет не Шарван, а Хейрван³.

Неискушенный, только Хагани
Обтесывает слово в наши дни!

О МАТЕРИ — ДОЧЕРИ ПОВАРА

По матери — потомок поваров,
Я для людей сегодня — повар слов.

Сокровищница мудрости — мой дом
И в хлебе не нуждаюсь я чужом.

На кухне у меня горит очаг
Огнем довольства озаряя мрак.

Входя на кухню, я стряпни следы
Смываю мощною струей воды.

Ты не увидишь мой котел пустым
И не увидишь мой казан худым.

И знай — вельможи моют кухню мне
Доверием довольные вполне.

Заставив чувство пламенем гореть,
Для царственных пиров варю я снедь.

И солнце — от восхода по закат —
Кастрюль моих вдыхает аромат.

А пар от варева в моих котлах
Благоухает амброй в небесах.

Мария, чья бессмертна красота,
Вкушает снедь мою после поста.

Хвала моя и смех мой, как халва
Эпохи нашей, — так гласит молва.

Мой плов, где сердце радует шафран,
Уносит людям бейтов караван.

О небо — миска синяя живых,
Умощена ты маслом слов моих!

Судьба, вращающая древний свод
Небесной миски, тоже доли ждет.

Весь этот мир, что голодал века,
Ждет от меня халифского куска.

Несу на скатерть вдохновенных слов
Премудрости благоуханный плов.

Как мед, вино речей моих. Оно
Для всех суфиев искренних дано.

И для беседы избранных людей
Мои стихи горят зари светлей.

Да, скатерть жизни Хагани полна,
Есть много тонкой снеди и вина.

Но и вкусив от этих тонких блюд,
Завистливые вкуса не поймут.

О ДЯДЕ — ВРАЧЕ

Врачом был дядя мой — отцовский брат,
А я в искусстве слов — второй Букрат*

Недуг души распознает мой взор
И знаю я все травы Кафских гор.

Я одарен глаголом, как Муса,
Я жизнь даю дыханьем, как Иса.

Я не скиталец, небом я рожден.
Четвертым небом мне Шарван сужден.

Во мне Адам посеял издавна
Лекарственных растений семена.

На почве вдохновенья им цвести.
Здесь моего бальзама не найти.

Я в Индии души беру его
И в Чине** вдохновенья моего.

Бальзамом тем я чудеса творю,
Я людям радость высшую дарю.

* Букрат — Гиппократ.
** Чин — Китай.

В словах несу я радостную новь
И у завистников вскипает кровь.

Но в душах честных искренних людей
Горит веселый свет души моей.

Печаль я в добром сердце исцелю,
Но жажды низких душ не утолю.

Я справедливости путем иду.
Как дух, я правды ищущих веду.

От лихорадки средством я лечу —
Неведомым ни одному врачу.

Хочу, чтоб у людей Шарвана вновь
Здоровая текла по жилам кровь.

Меня ты спросишь: «Не пророк ли сам
Учил тебя изготовлять бальзам?»

Что ж, — у меня вода Ковсара¹ есть,
Раф-рафа² у меня амбары есть.

Бальзам для душ, лекарство для сердец
Дал мне пророк, как повелел творец.

Моих врагов презренных проклял он,
Да будет он вовеки восхвален!

Но тайна вечная не для невежд
И к свету жизни не поднять им вежд.

ЖАЛОБА НА СВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Я жалуясь тебе на гнет и зло.
Послушай же откуда все пошло.

Как раковина, я в пучине бед
Запечатлен. И мне исхода нет.

Чтоб жемчуг взять, чтоб створки разомкнуть,
Судьба ножом мне растерзала грудь.

Я в пламени, мне — не передохнуть.
В руках беды я сыплюсь, словно ртуть.

Явились бельма на глазах судьбы,
От оспы — ямы на щеках судьбы.

Но это — бельма века моего,
А оспины — Шарван и зло его.

Да, обладал я крыльями орла,
Я видел мир. Но сломаны крыла.

Я злобою пленен и окружен.
И каждый вздох мой горек и стеснен.

В ярме — я сходен с мельничным быком,
Вращаю ворот я в кругу своем.

Мой мельник — век. Гоняет он меня,
Мне не давая отдохнуть ни дня.

Бык, мельницу вертящий целый год,
В кругу стесненном нехотя идет.

Зерно он мелет, радует сердца,
И нет его мучениям конца.

Для достижения цели он в пути,
И все ж ему до цели не дойти.

Удушье тяжело давит грудь мою.
Я, сидя одиноко, слезы лью.

Мне сердце пламень внутренний спалил,
И в кровь на веках слезы превратил.

Сосуд моей души разбит, о друг,
Моя работа падает из рук.

Вот так: когда в лампаде масла нет,
Тускнеет и дрожит лампы свет.

У верных праздник есть — новруз¹ весной.
Но где же он — новруз весенний мой?

Прошли года, мой волос серебра,
Как числа старого календаря.

Ведь с новым годом он не совпадет;
Свой календарь заводит новый год.

А старый календарь, что весь пройден,
Из библиотеки уносят вон.

И вместе с мусором сожгут его
Иль книгоноше отдадут его.

Сложилась так теперь судьба моя, —
Тот старый календарь, о друг мой, я.

Не ведал правды я в сердцах людей,
Вернее — даже не слышал о ней.

Юсуф от братьев много перенес.
Из-за друзей я больше пролил слез².

Я камнем в угол брошенным лежу,
От горьких мук в себя не прихожу.

Пришли в упадок все мои дела,
Болезнь костер в груди моей зажгла.

Я — попугай, что мудрости учил,
Но город зла — Шарван мне клеткой был.

Сгубил меня горбатый сей старик,
Отрезал клюв мой, крылья и язык.

Из Индии веселья он принес
Меня сюда — в обитель зла и слез.

Сказал он: «Из акульей пасти пей!»
И яд смертельный пищей стал моей.

Чтоб в Индию обратно улететь,
Как попугай я должен умереть.

Служить презренным больше не хочу.
Хоть я рожден для песен, я молчу.

Язык связал я, рта закрыл ларец.
Я запер изнутри души дворец.

О если бы язык мой саблей был
И делал дело, а не говорил!

...Да, Шемаха прекрасна, хороша,
Но, как в узилище, моя душа.

И каждый волос тела моего
Стал сторожем узилища того.

Не то, чтобы друзей мне повидать,
Ко мне и ветер не хотят пускаться.

И если шаг я сделаю в тиши
Или вздохну из глубины души,

Враги арканом этот вздох возьмут
И исказят, и шаху донесут.

Когда времена погасили огонь Санаи²,
Небесная воля мой светоч для мира зажгла.

И если один чудотворец в Газне опочил,
Ширвана страна чудотворца другого дала³.

Когда из пределов земных улетел соловей
Судьба попугая речистого в мир позвала.

В одном государстве умолкла волшебная песнь,
В другом государстве волшебна та песнь ожила.

Коль третий иклим потерял чародея-певца,
То в пятом иклиме⁴ другой зазвенел, как пчела.

Когда отцветают тюльпаны, то розы цветут.
И солнце восходит, когда расточается мгла.

Лишь запад луну в переметную спрячет суму,
Является солнце вершить свои в мире дела.

Когда отлетела султана Махмуда⁵ душа,
Сельджука великого славная мать родила.

Когда омраченный к закату склонился Бахман⁶,
Звезда Искандера Румийского⁷ ярко взошла.

Когда над Египтом умолк справедливый Юсуф,
В потоке Мусу фараонова дочка нашла⁸.

Та давняя ночь, когда умер Абу-Ханифа,
Началом пути Шафеи, как слышал я, была⁹.

Когда замирает ночное луны торжество,
Царь — солнце подымлет над миром сиянье чела.

И если в словесном саду осыпается цвет,
То осенью каждая ветвь от плодов тяжела.

Планета уходит, недвижные звезды встают.
Земля напоилась дождем и трава проросла.

Слышал ли ты сказку, как курица съела зерно,
Как после — жемчужину курица эта снесла?

* * *

* * *

Владеть, как я владею словом, другим поэтам не дано.
Создание державы слова судьбою мне поручено.

Открывший чистый дух Марии в тончайшем смысле —
это я.

Всевидающий властитель мира высоких мыслей — это я.

Передо мною преклоняет колени Шахтуган¹⁰ ума.
Невеста гордая достоинств мне руку отдает сама.

В броне блистающей познания я вас бесстрашно в бой
зову.

На пир свободный вдохновенья вас во дворец я свой
зову.

Мои слова, как талисманы, по смыслу девственны они,
Но светел дух, и светел разум, ты в зеркало его взгляни.

Нанизывающие жемчуг, нить занимают у меня.
Певцы, чеканящие бейты, смысла похищают у меня.

Хассан-Сабит¹¹, меня услышав, тоску в душе своей
носил.

Был сокрушен моею прозой прославленный
Сухбан Ваил¹².

Где обронил свою подкову неукротимый мой Бурак¹³,
Судьба кует из той подковы копье, чтобы страшился
враг.

Своей рукой свивала вечность чалму зеленую мою,
Из шелка вечности одежду себе нетленную я шью.

И пусть, как тень я в этом мире. Но ведь поэзия моя,
Как солнце вечное, обходит весь круг огромный бытия.

Одни расспрашивают: «Кто он? Скажите — как зовут
его?»

Другие: — «Здесь он? Неужели! А как найдем мы тут
его?»

Но с той поры, как мудрость в мире мне верный
указала путь,
Меня ни алчности бесстыдной, ни зависти не достигнуть.

Моя хвала несет усладу, а обличения горчат.
Ну что ж, один идет на вина, другой на укус виноград.

Властитель слов, оружием слова я небу дал служить
обет, —
Вот — два великих притязанья, как поучал нас
Мухаммед.

Прессевают землю страсти мои завистники. А я
Хранитель клада. Как лампада, всегда светла душа моя.

Они — слепцы; чего не видят они, того им не понять,
Не верят красоте и правде, готовы чудо отрицать.

Где красота Юсуфа блещет, всегда завистников
найдешь,
Ведь люди низкие кричали, что слово Мухаммеда —
ложь.

Моей души индийской тайны коснулась благостная
сень
А эти недоучки Чина душою кривы, как женьшень.

Их души, как котел свинцовый, неведом им живой огонь.
Подобно горлышку кувшина, узка для ртути их ладонь.

К индийской школе их причислить давно пора бы.
Ты взгляни:
От братьев чистоты¹⁴ далеко в неверии ушли они.

Я волей неба стал Юсуфом Египта славы наших дней,
И я жалею этих жалких и злых и низменных людей.

Они правы! — Увы, со мною приходится им
враждовать,
Ведь я для них — Сухейль¹⁵, идущий в грехе
рожденных убивать.

Из этой вечно полной чаши от жажды капли пьют они,
Со скатерти моей обеды от голода крадут они.

По голове лишь понимают они удары, как слоны,
Они обнажены, как змеи, что кожи старой лишены.

Они — войска становий Ада¹⁶ и гневно гонит их судьба
И речь моя их потрясает как Исафилова труба.

Они везде кричат кичливо, что Хагани, мол, ровня нам,
По щедрости морскую тину уподобляя облакам.

Все тростники по цвету схожи, но разность есть меж
ними все ж —
Есть — сахарный и есть обычный тростник, пригодный
для рогож.

Хоть много этот сброд и спорит о красоте и говорит,
Не вдохновение, а зависть у них в пустых сердцах
горит.

Они могуществом хвалятся: кричат: «Мы — море
Хагани!»
Да, но без слога «га» в середине, они — презренные
«хани».

* * *

* Хагани — царский, хани — паразиты.

МАДХИЯ

ВОСХВАЛЕНИЕ ДЯДИ КАФИАДДИНА ШИРВАНИ,
КОТОРЫЙ ПРОСИЛ ПРИСЛАТЬ ЕМУ САХАР

Кафи вдохновенный над мудрости морем возник,
Как стройный, египетский, сахара полный тростник.

Как влага Ковсара, как сладостный шахский шербет,
В словах его мудрость, и тонкость, и добрый привет.

И сладость точащий его тростниковый калам²,
От старых недугов несет исцеление нам.

Пред сахарным этим каламом, что дан ему в дар,
Завидует дяде и в горле горчит гюльшакар³.

Так сахаром сыплет египетский дядин тростник,
Что слух о его чудесах Самарканда достиг.

Его тростника — жениха венценосна глава.
И сахаром сыплют его, как невеста, слова.

И как Зулейха пред Юсуфом, удача пред ним
Порезала пальцы ножом позлащенным своим.

Калам его сладостным сахаром полон всегда.
Дивлюсь я, зачем же он сахара просит тогда?

Хоть корни шафрана находятся вечно в воде,
Шафран помышляет всегда о росе и дожде.

Да, я возгордился, себя венценосным почел,
Когда я письмо твое с просьбою этой прочел.

Я прожил правдиво, душой не кривя и не лгав,
Но я пред тобою склоняюсь, как «Нун» или «Каф»⁴.

Я счастлив, что я удостоен вниманьем твоим,
Но все же я был озадачен посланьем твоим.

И я постыдился бы сахар тебе посылать,
Неужто подарок ценнее не мог бы я дать?

Достоинство дяди превыше земного добра,
Дороже и редкостней сахара и серебра.

Меня потрясли твоего вдохновенья плоды,
Они — как Тамгаджа родник и Шуштара⁵ сады.

Прими вместо сахара несколько бейтов моих!
Короче, о дядя, прими извинения в них.

Мудрец понимает, что камень или серебро —
Презренны. А в слове разумный приемлет добро.

Созвездия мудрых, служа благосклонной судьбе,
В стихах улучшение вкуса покажут тебе.

Как облако, душу отдам я, пожертвую всем,
Но больше, о дядя, я не обладаю ничем!

А имя твое будет вечно блистать
В короне ума и как царского перстня печать.

* *

ВОСХВАЛЕНИЕ ШИРВАН ШАХА МАНУЧЕХРА И ЖАЛОБА НА ЕГО СЫНА АХСИТАНА

Как детям арабов, так свойственно нашей судьбе
В Аджаме носить сжерелье служенья тебе.

Вселенная щедрости всей не вмещает твоей, —
В кувшине одном не вмещается восемь морей.

Твой меч, словно солнце, и путь его всюду таков —
К закату склоняется он лишь на шее врагов.

Кто долю свою получает из рук твоих в дар
Тому, я сказал бы, не надобен райский Ковсар.

И кто совершит омовенье твоею землей
Тому омываться не нужно живою водой.

И ты многосводен могуществом, как небосвод,
И слава твоя и величье вовек не преидет.

Кесра¹, увидавши печать на кольце у тебя,
Из дерева сделать велела бы кольцо для себя.

Коль дождик твоей благостыни сады не польет,
Весною плодовое дерево не расцветет.

И если ты чью-либо службу у трона отверг,
Светильник удачи того человека померк.

Удача и счастье — в посланьях на имя твое —
«Рабы твои» пишут внизу, словно имя свое.

Ты, словно Али², высочайшей ступени достиг.
Украшен величием, пусть будешь ты вечно велик!

И пусть я неверным везде прослышу у людей,
Коль я откажусь от служенья у шахских дверей.

Однако теперь — и меня ты, владыка, прости —
К подножью высокого трона боюсь я придти.

Такая печаль и обида на сердце моем,
Что мне не изречь их и не произнести языком.

Твой сын Ахситан (сохрани его вечный аллах)
Унизил меня и обидел, о светлый мой шах!

За что — я не знаю — достоинства им я лишен.
Меня ненавидит и гонит и злобствует он.

Он внял клевете и меня без вины обвинил.
Он великодушия шахского мне не явил.

Порвал он одежду почетную славы моей,
Хоть всю свою жизнь я ходил по достоинству в ней.

Ты сам прояви уваженье ко мне, властелин,
Затем, что достоинств ценить не умеет твой сын!

*
*
*

ВОСХВАЛЕНИЕ ДЖАМАЛАДИНА МОСУЛЬСКОГО

Мои владенья в этом мире — высоких слов и мыслей
строй.
Дала мне мудрость в этом мире моей свободы путь
прямой.

Отточенную саблей речи, врученную мне Джебраилом¹,
Я дивов алчности развеял, вступив однажды с ними
в бой.

И этот мир, как джин покорный — служивший некогда
Джамшиду,
Сей людоед, подобный пери², стоит слугою предо мной.

И пусть я нищ как божий странник, от этого я не горюю
Мое духовное богатство не оценить золотой казной.

Когда б из моего колодца Юсуф себе не черпал воду,
Не захотел бы я остаться в грязи и мерзости земной.

От благ, предложенных тобою, ходжа³, хотел
я отказаться
Затем, что во дворце достоинств есть гордость —
камень угловой.

Но из Каабы⁴ Хызр примчался и мне сказал: «Не
отрекайся!
Он истинный благодетель и преданный служитель
мой!»

ЖАЛОБА
НА ЭПОХУ
и
СОВРЕМЕННОКОВ.

ЖАЛОБА НА ЭПОХУ И НА СВОЮ СУДЬБУ

Сломался кончик, вижу я калама счастья моего.
И целый мир моих надежд повис на волоске его.

Любые образы своим пером, художник, пишешь ты, —
В руке художницы-судьбы осуществление мечты.

Но вот — испорчен мой калам. И трудно стало мне
дышать.

И нечем мне теперь узор моих надежд дорисовать.

В глазах моих сгустилась мгла. Стезя судьбы моей
мрачна.

И рано голову мою, как снег, покрыла седина.

Что счастье мира, если все, что нам оно приносит —
прах?

Мгла неизвестности томит меня, как бельма на глазах.

Хоть черен ворон — и глаза, и крылья у него черны,
Но бельмами его глаза с рождения наделены.

Скажи, что за корысть горе от золота внутри у ней?
Ведь это золото ее блестит на поясах царей!

И оттого я исхудал и стал, как остов или тень,
Что на глазу моей судьбы докучный затвердел ячмень.

Я горю приношу дары, как будто кость бросаю псу.
Да, горе неотвязный гость! Оно сродни, я знаю, псу.

Где дар всезнанья моего? Неужто свет его убит?
Не любит правдолюбца мир и косо на него глядит.

Но ты, как солнце, научись всю правду мира озарять,
Чтоб искривленными кривых, прямых — прямыми
увидать.

О чем я ни просил судьбу, глядела искоса она;
Всегда во всем — по нраву ей, как Ахриману, кривизна.

Иль этот прежний бэрзый конь сегодня — запаленный
конь,
И глазом в сторону косит он, как ненапоенный конь?

Так что ж, косится этот мир и смотрит косо солнце
дня, —
Быть может прежней кривизны черты остались у меня?

Стрелу кладя на тетиву, сельджук прищуривает глаз,
Не для того ли, чтоб стрела в намеченную цель неслась.

А одноглазая судьба когда замыслит в тишине
Зло миру причинить, тогда умеет видеть все вдвойне.

Правдивый, ты прямым путем идешь; но ведь судьба
твоя
Искривлена, как на щите изображенная змея.

Прибрежной ивы ствол кривой главою к небу не растег,
И мокрый голубь под грозой не может продолжать
полет.

Охотник — мир, а день и ночь — его собаки. Он вперед
Предначертание свое пускает соколом в полет.

Огромный круг вселенной всей, как дол охот, ему
открыт;
Собаки рыщут по земле, а сокол в воздухе парит.

И этот беспощадный ум, как зоркий сокол, окрылен, —
Псы по пятам моим бегут, а в высоте кружится он.

Я — дичь, я — куропатка их. Изранена моя душа.
А этот сокол, эти псы преследуют меня спеша.

Слабеет сердце у меня, мое дыханье стеснено.
В смятении моя душа, из сил я выбился давно

Мечтаю о покое я, об отдыхе. Но все — тщета.
Увы, желание мое — недостижимая мечта.

Желание рабов судьбы живет надеждою всегда.
Моя ж исполнится мечта лишь после страшного суда.

Желать легко, просить трудней. Ну, а дорогу проложить
К осуществлению надежд — еще труднее, чем просить.

То, что надеемся мы взять от мира — сам, порою, он
Без просьбы щедро нам дает, когда бывает опьянен.

Но только лишь проспится он и тяжкий хмель с него
сойдет,
Он, чуждый благу, все, что дал, у нас обратно заберег.

Я в школу времени пришел, сел за урок на утре дня.
И чистая доска надежд была под локтем у меня.

Я в этой школе обозрел учащуюся детвору
И не нашел ни одного, что помнит верности суру.

Да, чистой верности Айя¹ забудется в стремнине лег,
Померкнет клятва и в душе сотрется преданности след.

Моя душа чиста, но мир—он подл и грязен. Как же тут
Остаться чистым, коль вокруг потоки грязные текут?

Как жалоба Шахрабани², что превратил Омар³ в рабу,
Так сетует мой гневный дух и жалуется на судьбу.

И мы не ведаем о том, что эти стоны, может быть,
Способны сжечь саму судьбу и горы ненависти срыть.

Когда шумел ночной прибой, дрожала тяжкая скала,
Но рыба, в глухоте своей, прибое слышать не могла.

Проходит незаметно жизнь. Как четки, день за днем
скользят.

Проходят годы. Кончен счет, когда ударит шестьдесят.

Как дождик с желобов, с ресниц поникших капли слез
бегут,

Но словно Каспий, у меня в груди желанья ревут.

Ланиты влажны у меня, слезами затуманен взор, —
Так под лучом весенним снег потоками сбегает с гор.

Нет, золота я не хочу! Кто счастье в кладе золотом
Найти надеется, тот сам становится его рабом.

Кто хочет голову свою богатствами возвысить, тот
Не знает, что в конце концов под тяжким грузом
упадет.

Сам погляди: глаза скупца не светятся лучом живым —
Не золотом владеет он, а золото владеет им.

Со дня рожденья до конца, пока в груди пылает жизнь,
Вся жизнь — страданье без конца. Страданье сокращает
жизнь.

Да, слепок с мира самого страданье сущего всего,
Оно настолько велико, что не вмещает мир его.

Мир этот злобно топчет нас, мы под его ногой — трава;
Все время в пламя наших мук подбрасывает он дрова.

Как буря, пламя мук людских свирепо раздувает он.
Все истребляет он. Леса столетние сжигает он.

Коль радость — строчка в книге дней, то горе —
тысяча листов.

Печали много. И о ней рассказывать нехватит слов.

Был мне, как роза, некий дар ниспослан милостью
судьбы.

Был ярко-красным розы цвет, а на стебле острые шипы.

И породила в некий час мою печаль любовь души.
И возросла моя печаль и высосала кровь души.

Огонь, возникший у корней, пылал с годами все
сильней,
И ствол у дерева обьял, и крону пышную ветвей.

Судьба пестра и, как юла, вертится, потешая взгляд.
Она — игрушка лишь в руках семи несмыслящих ребят.

И нашей жизни караван не защищен в глуши степной,
Когда грабителей толпа выходит ночью на разбой.

Как воры грабят караван, напавши в неурочный час,
Так грабит нашу жизнь судьба и подло убивает нас.

Мои страданья увидав, ходжа участливо сказал:
«Я вижу, как ты изнурен. В пути далеком ты устал.

Откуда ты? Что ешь, что пьешь?» А я сказал: «Что ем
и пью?»

Я ем последний свой запас, я поглощаю кровь свою.

Нет у меня другой еды. Да и зачем нужна еда,
Коль проиграл я в жизни все, что не вернется никогда!»

Вновь он спросил: «А ты свои желанья можешь мне
открыть?»

Ответил я: «Желаю я свое лишь горе пить и пить.

Что нужно мне? — Насушный хлеб, и друг, надежный,
и покой, —

Я был бы счастлив! Это все, чего желаю я душой.

Покой и собеседник-друг — и был бы счастлив я вполне.
И жил бы я, и умирать тогда б не страшно было мне.

А ведь из камня, знаешь сам, никто не делает котла.
Когда б из камня был котел, не пропускал бы он тепла.

Как дикий зверь я стал. Меня такой постиг судьбинный
гнет,

Сегодня же услышал я о гибели моих друзей
И сердце умерло во мне от этих горестных вестей.

Кто, слыша злую весть, умрет, тоской мучительной горя,
Хоть пожалеем мы его, но скажем все ж: «Он умер зря».

Да, да охотники вот так тюленей убивают, знай! —
Плывет к охотникам тюлень, когда они играют в най.

Меня измучил и сгубил, мой путь далекий, мой сафар,
Добавил точку он над «фа» и превратил мой путь
в сагар⁷.

С тех пор, как на чужбине я, прошел уж целый год
почти,
Пристанища не нахожу. И каждый день я вновь в пути.

Не богохульствуй, Хагани, благослови свою судьбу!
И тем утешься, что дано тебе — строптивому рабу!

Да длинен, очень длинен хвост дракона счастья моего,
В нем правды не было и нет, от века лжива суть его.

А счастье моряка — корабль, бегущий радостно
в волнах.
А счастье пахаря в его политой пашне и волах.

О, пусть отныне глаз дурной не медлит на моих стихах,
С его продажною судьбой — рабыней с кольцами
в ушах!

Ведь счастье — птица, что в саду цветущем дум твоих
поет,

А день — дитя, что утра вслед благоуханному идет.

И это счастье — здесь, в твоих стихах, в узорных
масневи⁸.

Вставай, певец, воспрянь душой и миру чудеса яви!

Дается счастья полнота тем, в чьей душе царят покой,
Сосредоточенность и мир, с зеркальной схожие водой.

И вспоминаю я Шарван, и я от горечи далек,
Там вечно светит солнце — шах, чьей славой полон
весь восток.

Но я подумал: «Благо — здесь, в Табриз на склоне
дня приди,
Пригоден этот перламутр для капли вешнего дождя».

А я в Шарване жить не мог. Ведь хоть жемчужница
сама
Растит свой жемчуг, но она для перла своего — тюрьма.

Хорош прославленный Табриз, жемчужница восточных
стран.
И если издали смотреть, хорош и город мой — Шарван.

Не говори, что твой Шарван погряз в нечестии и зле.
Нет, вижу я, он окружен большим почетом на земле.

Не осуждай же свой Шарван! Оттуда жизнь твою
пошла,
Хоть в первых буквах двух его и скрыто основание зла⁹.

Не осуждай же свой Шарван, умерь своих насмешек
жар,—
В начале «шариата» — «шар»; в конце «башар»,
также «шар».

Ведь было бы грешно винить нам солнца пламенного
шар.
Что у него есть в «шарк'е» «шар» в «шарга», а в слове
«гарб» есть даже «гар»¹⁰.

Не коль начало «гарб'а» — «гар», за неприличие
мы сочли б
Купца заморского, хаджи седого называть «гариб».

А разве черный мускус плох, что посылает наш Кашгар?
Кашгар прославлен на земле, хоть и кончается на «гар»!

Страна рубинов — Бадахшан, хоть начинается на «бад»,
Она — жемчужина земли, как мудрецы нам говорят.

Начало имени «Табриз», хоть начинается на «таб»,
Но не болеют люди здесь, здоровьем здесь никто
не слаб.

Ты видел зверя кабаргу? Его молва — «аху»¹¹ зовет,
Но этот зверь красив и он бесценный мускус нам дает.

ТЮРЕМНЫЕ ОДЫ

ВОСХВАЛЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО КЕЙСАРА
ЖАЛОБА О СВОЕМ ЗАКЛЮЧЕНИИ И ПРОСЬБА
О ПОМОЩИ ДЛЯ СВОЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Как христианское письмо, идет превратно небосвод¹
И, словно схимника, меня цепями тяжкими гнетет.

Неужто вечный божий дух над миром горестным угас,
Что этот синий небосвод пошел антихристом на нас?

Страданиями мой стан прямой согбен, как пряжа
Но видишь, как игла Исы я сердцем пред тобою прям².
Мариам,

Прикован телом я к земле. Я изнемог в ее цепях.
Так связан сам Иса иглой был на четвертых небесах.

Где, глаз антихриста могла земная обрести игла?
И как за пазухой Исы она убежище нашла?

Теперь одежды дней моих, как схи́ма черная, черны.
Я по ночам не знаю сна, мучений дни мои полны.

Мой стон, мой иступленный вопль, выламывают крест
Экватор и меридиан теперь крестом блистают мне.
в окне³,

Дыханьем жарких мук моих я дно морское иссушил,
Где омовение песком Иса когда-то совершил.

Неблагодарны здесь ко мне отцы святые. И от них
Я отрекаюсь, как Иса отрёкся от отцов своих.

Нет пользы, мне что поднялась высоко знания звезда.
Она блистает в небесах, а я в глубокой тьме всегда.

Пусть Кей-Хосрову подчинен Иран обширный
и Туран⁴,
Что пользы мне, коль брошен я в колодезь ночи, как
Бижан⁵?

Ведь птице глиняной Исы⁶ какая польза от него?
Он — рядом с солнцем, а она — во тьме, не видит
ничего.

Но почему-то птицу он свою не хочет исцелить;
Ведь мог прикосновеньем он слепому зренье возратить.

Мысль — моего таланта дочь — Исе подобна самому,
Когда Марин чистоту пришлось отстаивать ему.

Так чистоту моей души мне словом утвердить дано.
И словно пальма Мариам, теперь плодоносит оно.

За хиджры⁷ пять веков певцов, подобных мне,
не рождено.
И доказательство мое перед тобою, вот оно!

Я, как из улья, извлеку из сердца здесь — в тюрьме
моей.

Подобное гуденью пчел, стеланье моих страстей.

И как в лампаде христиан елеем наносенный лед,
Язык мой будет пламенеть, огнем мольбы моей зажжен.

И как лампаду христиан, меня подвесят и зажгут,
Под куполом на трех цепях меня высоко вознесут.

Но, как Мария, опустив пред клеветой свои власы,
Я — умирая — слезы лью горячие, как вздох Исы.

И клеветой моя судьба так тесно здесь окружена,
Как окружили «айн» и «нун» алифы в слове «ата на»⁸.

И помощи я не дождусь от справедливости друзей,
Где справедливость? Нет ее! Не стоит вспоминать
о ней!

От ненавистницы-судьбы меня, о боже, сохрани!
Прочь от безбожников! Уйди от них подальше, Хагани!

В беде я помощи себе у Аббасидов⁹ не прошу,
Я — в горе — милости себе у Сельджукидов¹⁰ не
прошу.

Цари забыли обо мне. Я горькой думой обуян.
И безразличны стали мне Бокра и сам Арслан Султан.

Юсуф меня бы спас в беде, но ведь Юсуфа нет давно.
И мне теперь — Вениамин или Иуда — все равно!

Но если сердцу мусульман теперь чужда судьба моя,
Не дай творец, чтобы в беде отрёкся от Ислама я.

Усвоил веру я из уст семи великих мудрецов,
Я откровенье понимать учился у семи чтецов.

Я — за главой глава — вникал умом в божественный
коран,
Прочел «ясин» «тасин» и «мим», «алхамд», «алкахф»^{*}
и «аррахман»^{**}.

Весь путь пройдя к святым местам, я хаджа вывел
обряд,
И повторял я — «Мусалла, Джемар» и «Сай, Лаббайк,
Микат»^{**}.

И после стольких сороков моих постов за тридцать лет,
Пятидесятидневный я смею ль теперь принять обет?

* Название сур корана.

** Молитвенные слова, произносимые паломниками на пути в Мекку.

Трем лицам бога, трем его неизъяснимым естествам,
Понятное везде и всем я вкратце толкованье дам.

Я дуновение объясню, и омовение, и пост,
Когда к Марии дух сходил с престола лучезарных
звезд.

Я объясню, что на ларце она печать еще несла,
Когда животворящий перл на белый свет произвела.

И что сказал, родясь, Иса о вечной тайне и кресте,
Когда постилась дева-мать, внимая черной клевете.

Как он из глины птиц лепил и их дыханьем оживил.
Как Лазаря из мертвых он единым словом воскресил.

Какой он смысл вложил в слова неясные: «Иду
к отцу!»
Когда страдания его земные близились к концу.

Когда ж кейсар захочет суть Зардушта ведать, я сму,
Из тьмы забвения глухой и «Зенд-Авесту»¹⁸ подыму,

И объясню я смысл огня, открою, что такое «Зенд»
И всей Авесты древней суть, и как произошел
«Пазенд»¹⁹.

И что за искра от огня того еще осталась нам,
Что некогда зажег Нимрод, куда был свергнут
Авраам²⁰.

Мобедов тайны взвешу я на верных истины весах,
На тех весах, что сын Луки²¹ Коста держал в своих
руках.

Зачем летает саранча в парче? А также — почему
Почтенной мухе надевать на голову пришлось чалму?

Так для кейсара много я томов ученых напишу.
Я в знаниях превзойду Мани и мудрого Танкалушу²².

Опомнись! Болтовню прерви, не богохульствуй,
Хагани!
Внушаемую сатаной от сердца ересь отгни!

Что мыслил враг против Исы, отдавший душу серебру.
И что везир злоумышляя, предавший некогда Дару? —

Довольно нечестивых слов! Вернись. На истинном
пути
Пади и повторяй в слезах: «О всеблагой аллах,
прости!»

Скажи: «Я верю! Бог един, и в мире нет иных богов,
И разуменья моего превыше он, превыше слов!»

Что в Византию мне бежать? Звезда моих мечтаний
здесь,
Надежда на свободу здесь! Ты, государь, в Ширване
здесь!

Десница чистая Исы и свет его учеников,
Посланец Девы всеблагой, защита христиан и кров,

Порфиросердечный! На тебе небес почиет благодать!
Добросердечный! Я тебя, ей богу, буду заклинать —

Дыханьем вечным божества, что в духе явлено
святом,
Евангелием — книгой книг, апостолами и Христом,

Святыми яслями его, пречистой девою над ним,
Десницею и рукавом и дуновением живым:

Священным градом и горой, где казнь прияло
божество,
Деянью учеников и всех апостолов его;

Лампадой, поясом, хвалой кадильниц и колоколов,
И откровеньем, что земле поведал древле Богослов;

Страстями господа — Христа, пасхальной утреней
златой,
Постом великим и постом Марии девы пресвятой,

И непорочностью ее зачатия от божества,
И ангелом, что произнес благовестящие слова;

Корнями дерева того — его ветвями и листвою —
На коем духом порожден был во вселенной плод
живой;

И Тиром месяцем (идет с Нисаном²³ он во дни одни)
И той смоковницей сухой, что оживает в эти дни,

И покаянную мольбой суровых иноков святых,
И звоном тягостных вериг на изнуренных членах их!

Тригональным я молю аспектом солнца и планет
И квадратурой дня того, где светит первозданный
свет,
Тригональным я молю аспектом, где Бурджейс²⁴
горит,
И квадратурою креста, что розою ветров раскрыт, —

Склони царя, чтобы предел он мукам положил моим,
Чтоб я пошел и наконец увидел Иерусалим!

Пока, сияя высоко на небосводе голубом,
Экватор и меридиан пересекаются крестом,

Надеюсь — снизойдет Иса и Хагани простив грехи,
Переберет в руках мои, как четки звездные, стихи.

* * *

О ЗАТОЧЕНИИ

Был Хагани с родными разлучен
И в дом с одною дверью заключен.

Но в этой яме жить ему нельзя
И выйти из нее не может он.

Он, как паук, сидит в своем углу,
Как муравей за камнем затаен.

Замок снаружи и суровый страж,
И узник в безнадежность погружен.

Он проливает слезы, как Джейхун¹,
Он самаркандским вздохом опален!

Отсюда выход только в небеса,
Глухие стены с четырех сторон.

Снаружи связан был его язык,
А здесь он сердцем к богу устремлен.

Но все ж, покамест он томится здесь,
Он от толпы презренных удален.

Не думай о блаженстве, Хагани!
Ты и надежд на радости лишен.

* * *

ЖАЛОБА О ЗАКЛЮЧЕНИИ В ЦЕПИ

Как с телом душа, разлучилась отрада со мной.
И тут же со мной разлучился сердечный покой.

Едва примиренья дыханье повеяло нам,
Опять улетело оно, уступая врагам.

Со мной моя тень оставалась. Но в горестный день, —
Ушла от меня и последняя спутница — тень.

Просторный и светлый мой дом обернулся тюрьмой;
Ее потолок подо мной, а порог надо мной.

Безмолвно я слезы глотал в обиталище тьмы.
И сырость, как слезы, струилась по стенам тюрьмы.

И слезы мои застывали, как влага в мороз.
У ног моих стыло соленое озеро слез.

Судьба, как стрелок, на прицел мое сердце взяла.
И сердце мое, пронизав, растерзала стрела.

И стоны мои, словно стрелы, до неба взвились,
И кровью зардела пронзенная стенами высь.

Тяжелою скорбью наполнилось сердце мое,
Как будто бы сердце — извечное место се.

Но птица сегодня меня разбудила во сне,
От доброго друга письмо принесла она мне,

На цепи мои она горестный бросила взгляд
И гневно взвилась, и поспешно помчалась назад.

Не мог я подняться пред гостью моей дорогой
Дракон обвинял мои ноги железной горой.

Колодки и цепь, как гора, у меня на ногах.
К кольцу я прикован и руки мои в кандалах.

О если б тяжелою цепью не скован я был,
Как вольная птица я в мир бы полет устремил!

Но я неподвижен. Зуххака¹ змея на ногах.
И долу поникли ресницы мои в жемчугах.

Здесь ноги опутали змеи огромные мне,
И я, словно угорь, на медленном корчусь огне.

И, словно тандыр пламенеющий полный углей,
Дыханье, как пламя, пылает в гортани моей.

Явился тюремщик (добра ему в жизни не знать),
И раны души моей кровь источают опять.

Приставлен ко мне надзирателем бешеный пес.
И сна я не знаю средь вечных мучений и слез.

Как влаги боится укушенный бешеным псом,
Так слез я боюсь. И не в силах забыться я сном.

Горячие слезы мои замерзают в жару
И весь я дрожу, как листва на холодном ветру.

Как зерна граната, кровавые слезы мои.
Кровавые слезы ночами я лью в забыты.

Забит я в железо, подобно строптивым рабам,
И кровь по лодыжкам струится, как по желобам.

От тяжких оков я такие мученья терплю.
Что в лязге железа я голос пощады ловлю.

Когда с меня стали железные цепи снимать,
От боли жестокой я начал вопить и стонать.

Как пряжа червя шелковичного, слабым я стал.
От уз разрешенный, я на ноги даже не встал.

Ланиты мои, словно стены темницы моей,
Утратили краски и стали шафрана желтей.

Кровавые волны души моей бьют в небосвод —
И млечная арка багряным сияньем цветет.

Я, как соловей, среди черных колючек поник,
Навек я утратил надежду на этот цветник.

Какую мне пользу рыданья мои принесут,
Когда справедливости розы давно не цветут?

Так долго я кровью питался в беде, —
Могу ли помыслить теперь о питье и еде?

Что думать о теле, коль гаснет души моей свет?
Что думать о доме, коль в доме хозяина нет?

Таскавшие глину для стройки в могилу ушли;
Дома, что они воздвигали, в руинах легли.

Портновскую лавку бушующий силь захлестнул;
И лавку умчала река, и портной утонул.

Похожа, судьба, на базарного ты мясника,
Чей нож окровавлен от кончика до черенка.

Налево — весы, а направо — ягнята стоят.
Берет он упитанных, тощих. И режет подряд.

Всем изменным жирная часть доставалась легко,
А мне среди них и до части худой далеко.

Утрачена совесть. Ни страх им неведом, ни стыд.
Падеж на скотину напал, а пастух не скорбит.

Ушел караван на рассвете в далекий Китай, —
Его возвращения скорого не ожидай!

Был молнией в пепел туркменский верблюд.
превращен;
А что же туркмен? От налога избавился он!

Я счастья искал, не смыкал я в ночи своих вежд...
Нет верности в мире. И рухнуло зданье надежд.

В душе — сожаление, яростней горной реки.
Увидел я: даже великие люди мелки.

Судьба на меня налетела в свирепой вражде —
И самыми близкими был я покинут в беде.

Ты помнишь — ведь то же с Юсуфом случилось, когда
От зависти вспыхнула в сердце у братьев вражда.

Мое однодневное горе, как море, полно.
И вижу — меня никогда не покинет оно.

Под грозным дыханием неба, вдали от земли,
Бегущие к гавани тонут в волнах корабли.

Для низких и слабых небесная буря страшна,
Но души великие лишь возвышает она.

Я духом не пал. Я исполнен отваги и сил.
Я знаю — владыка вселенной меня не забыл.

Умрет Хагани, но сильнейший за ним предстоит,
За гибель мою — он владыкам земным отомстит!

* * *

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ

Моя дальновидная новорожденная дочь. —
Увидев, что мир этот место плохое, — ушла.

Она поняла, что несчастья еще впереди.
От низких душою, от злобного роя ушла.

Она увидала, что в мире порока и тьмы
Изноет, измучится сердце живое, — ушла.

Увидев, что беден мой дом и что я ей не рад,
Она в неизвестность, дитя дорогое, — ушла.

Увидев сестру свою старшую в черной чадре,
Подумав: — «О боже, мученье какое!..» Ушла.

* * *

НА СМЕРТЬ СЫНА РАШИДАДДИНА

Как светлое солнце, был сын у меня, —
Его я утратил и похоронил.

Горюя о сыне, жена умерла.
И дом опустел и без них мне постыл.

И замуж я отдал красавицу-дочь,
Звезде Самаке¹ ее светлой вручил.

И зятю сказал я: «Храни, дорогой,
Ту, что я сокровища пуще хранил!»

Остался со мною лишь Абдулмаджид²,
Его я аллаху теперь поручил.

Защиты не даст ему злобный Ширван,
Лишь бог бы его покровителем был.

* * *

* * *

О повелитель! Как сокращают, взгляни,
Счет нашей жизни двуличные ночи и дни!

Мир — кровопийца, что выделил ты для меня,
Кроме коварной линии ночи и дня?

Скатерть нам стелет с отравленной пищею твердь,
Жизнь — это сон, а его толкование — смерть.

О Хагани, ты все плачешь о сыне своем, —
Скоро ли выплечешь ты этих слез водоем?

Стонешь, как Ной, и слезы ты льешь, как Дауд,
Слезы твои Юсуфа тебе не вернут.

Помнишь ли дни, когда сын появился в дому? —
Жизнь свою отдал ты сыну тогда своему.

Сына отнять у тебя захотелось судьбе,
Жизнь его взяв, она годы продлила тебе.

Рано он умер, а ты все живешь и скрипишь...
Ты в барыше, но какой это жалкий барыш!

* * *

Был ты для нас, как Иса благодатный, как прародитель
Адам.

Пятница грозная, молнией грянув, жизнь мудреца отняла,
Пятница некогда также великий в мире потоп начала.

О Хагани! Над могилою дяди слезы кровавые лей,
Был он тебе, как отец, и дорожке близких, родных и
друзей.

* *
*

НА СМЕРТЬ ВАХИДАДИНА

Вахидадин, ты философом мира, ученым истинным был.
Светлые двери премудрости неба ты для живущих открыл.

Дух твой на место свое возвратился. Сердце, не плачь и
смирись!
Жил ты средь нас, но слышал ты с неба голос зовущий:
«Вернись!»

Перл драгоценный моря земного, новой ты вверен
судьбе, —
Ты ухватился руками за пояс, сброшенный с неба тебе.
Ты составитель чудесных бальзамов, в мире прославлен
земном.
Древнее небо своим тебя, видно, сделать решило врачом.

И возвратись на высокое небо, в райском гуляя саду,
Освободил ты от лихородки трепетную звезду.

Семь лучезарных гурий небесных, в радужный кутаясь
цвет,
Перед тобой колени склонили, поцеловали твой след.
Полон печали твой дом опустелый; литься и литься
слезам.

НА СМЕРТЬ ЖЕНЫ

Словно солнце, угасла твоя красота,
Без любви твоей — жизнь моя стала пуста.

Я свиданья с тобой никогда не дождусь
И от радостей мира навек отрекусь.

Твои ласки мне были живою водой.
Без тебя я объят безысходной бедой.

Твоим веяньем смутным я все еще жив,
Нерассеянным благоуханьем счастлив.

О, еще мне свой вздох издадека пошли! —
Нет иной мне отрады в пустыне земли.

И пока суждено еще здесь мне дышать,
Только ты будешь в сердце моем обитать.

Пред глазами твой образ витает во сне
И твой голос живой еще слышится мне.

Кипариса лишился прекрасного сад,
Цветники почернели, не радуют взгляд.

Завтра вновь без тебя это солнце взойдет
Но не греет мне душу оно, а гнетет.

Нива радости летней жарой спалена
И ни колоса больше не даст мне она.

Снова в зеркале сердца я вижу твой лик,
Был бы образ иной в нем и странен и дик.

Мне душа твоя — зеркало издадека,
Как текущая за облаками река.

За тобою стремлюсь я в иные поля,
Без тебя нестерпима мне стала земля.

Что мне бури вселенной и бешенство гроз
В буре этой разлуки и горя и слез?

И когда погружаюсь я в душу свою,
Лишь тебя нахожу в ней, тебя узнаю.

О, пока суждено мне, пока я живу —
Не оставь меня! — Душу твою я зову —

Ты сказала: «Ты можешь еще полюбить...»
Но ты знаешь, не может ведь этого быть.

Без тебя утешенье немислимо мне.
Не найду я его ни в мечте, ни во сне.

Ты о сердце не спрашивай у Хагани, —
В нем одни сожаления, скорби одни.

Испытать это горе — не только друзьям,
Нет, не дай его бог испытать и врагам.

На Табризской земле, среди чуждых людей,
Нет святыни мне, кроме могилы твоей.

*
* *

НА СМЕРТЬ НАСРЕДДИНА ИБРАГИМА

Как только ночь на мир сойдет, я снова слезы лью тайком.
Без силы, голову склонив, рыдаю я, упав ничком.

Сижу, колени обхватив, и дух мой в горести поник.
Сижу согнувшись я, с полой соединяя воротник.

Сгибаю спину я в кольцо, в коленях прячу я лицо.
Чтобы слуга Ислама взял взамен весов мое кольцо.

Душа моя — Кааба ты, а плоть моя — кольцо ее,
Пусть у источника Зем-зем покоится кольцо твое.

А на колени потому моя склонилась голова,
Что здесь прибежище тоски, его Сафа, его Марва*.

Что о Каабе знаешь ты? Ведь ты не видишь ничего,
Стена Каабы далека от поклоненья твоего.

А зеркало моих колен фиалки луговой синей,
И, как фиалка, я клонюсь в раскаяньи главой своей.

Да, я подобен саранче, слезами окровавлен я, —
Как у бескрылой саранчи, склонилась голова моя.

* Сафа и Марва — мусульманские святыни в Мекке.

Я руки страсти оковал, я сокрушил стопы ума,
И от общения с людьми душа моя бежит сама.

Я в безнадежность погружен. И горе, как колодник, спит.
Сомненным опьяненный ум во тьме невежества храпит.

Вот горе заключило брак с красавицами глаз моих,
Не слезы чистые, а кровь, струятся по щекам из них.

И солнце в окна глаз моих глядит безмолвно поутру
И ждет, чтоб дети глаз моих плясать пустились на пиру.

А вздох мой скручен, словно дым, бегущий в тесный
дымоход
Его бушующий огонь, как вервие, уздами вьет.

Слезам обливаюсь я, лицом я словно глина стал.
Лицом я стал с подковой схож, а слезы рдеют, словно лал.

Печаль моих глухих ночей утрами обременена.
Мой вздох — подкоп под башней той, где саманидова
казна.

Нет, от ученья горя я теперь не отвращу свой лик.
Учитель строгий — горе нам, душа — покорный ученик.

И я, как школьник на доске, на блекнущем лице своем
Пишу, пишу урок, что мне преподан этим стариком.

Пишу поспешно строки слез, ломаю в пальцах белый мел,
Но буквы горя на моем лице прочесть бы ты сумел.

Глаза у страсти я закрыл, поспешно начертавши «ним»,
Зубцы у «сина» я сломал летучим почерком моим.

С Исою вместе в ранний час ходил в саду единства я.
И отдал мне Иса тот сад. И та земля теперь — моя.

Я счастлив был. Но вот судьба меня преследует опять
За то, что на земле Исы хотел я поле распахать.

И солнце гневно на меня глядит, и завистью горит,
И нападает на меня с копьем своим, как дейламида*.
Но птица радости Анка ко мне от Кафских гор летит¹
И мир мне новый и поля мне Сулеймановы дарит.
Раскрыла милость там шатры, в тени ветвей разбила
стан.
И мирно к скатерти моей, как гость, садится Сулейман.
О если солнце превращу я в скатерть среди тех купин,
То мух крылами отгонять небесный прилетит павлин.
Я горе черное свое гоню, освобождаю дух.
Так опахалами рабы от шаха отгоняют мух.
Когда отрада в наши дни мне вдохновение несет,
Тогда вокруг жертвенной овцы ликует праздничный
народ².
Там впереди — дворец души. Отставшие идут за мной.
И растянулся караван в глухих горах, в степи ночной.
Смываю темноту души струей семидесяти вод.
Из мрака, семьдесят завес откинув, к свету дух идет.
Но так больна моя душа, что нет бальзама для нее,
Томится при смерти она, окно завершено ее
Еще сквозь Хафтикан³ идет Исфандиар — мой исполин.
Еще красавица в плену томится в крепости Руин.
Когда душа хотела встать, мой ум сказал ей: не спеши,
Под ветром полночи боюсь, потушишь ты свечу души.
На астроябии мечты не видел вечных ты лучей,
Всечеловеческих еще ты не прочел календарей.
Все в мире кажется тебе теперь бессмысленным, пустым.
Но этот мир велик, глубок и смысл его неисследим.
Как повелел нам шариат: одежду вдохновенья скинь,
И если мусульманин ты, безумье алчности откинь!

* Дейламида — повстанческое гилакское племя.

Когда ты сокол, то зачем тебе павлинья пестрота?
Когда ты лев, что трусишь ты, как заяц, каждого куста?

Через базар ты проходил; тебе сказали: «Подмети!»
Ведь золото меняли здесь и рассыпали на пути.

Коль хочешь золото добыть, просеять землю должен ты.
Иль потеряешь, что имел, на этом торжище тщеты.

Не тем гордись, что ты «алиф», что открываешь ты
«Абжед».
«Гайн» весит много тяжелей, хоть он идет за всеми
вслед⁴.

Когда, от всех уединясь, ты жаждешь истину познать,
Сумей на злобный град камней молчаньем мудрым
отвечать.

Коль ты намерен на земле намаз последний⁵ совершить.
Всю грязь своих грехов сперва слезами должен ты отмыть.

В наш полный горем смутный век, когда страдания
кругом,
Лишь радость высшая одна способна быть твоим врачом.

Пустые миски ставит нам судьба на скатерти своей
И миску неба над землей вращать — одна забота ей.

Отнем желаний испытал я ценность века своего, —
Увы — цена его низка, нечисто золото его.

Мир, как корабль, что на скалу судьба бродячая несет.
Плывущие обречены. Никто их в бурю не спасет.

Судьба, как полудикий конь, и для нее стезя тесна,
Уздечка на хвосте у ней, храпит и пятится она.

Вращение в кругу судьбы — вот страшная твоя беда.
Попробуй выйти из него. Увы — не выйдешь никогда!

Судьба все добрые дела стремится обернуть во зло.
И бремя горя тяжело на плечи радости легло.

На лоне мудрости земной, в дому, что истиной храним,
На свет в Ширване от Али явился некий Ибрагим.

Коль спросят вас: «Кто выше всех в твореньях речи в
наши дни?»
То громогласно облака ответят миру: «Хагани!»

Когда услышит в небесах мои стихи Ахмад Мухтар*,
Те от души воскликнет он: «Поистине—Хассанов дер!»**

В ту пору прибыл я в Ирак, чтоб увидеть халифа стан,
Но солнце духа моего меня позвало в Хорасан.

И весть, что умер Насреддин, в Ираке до меня дошла,
И слезы — вместе с Хагани — земля Ирака пролила.

Теперь небесный Ибрагим, глаза Каабы пресвятой
Рыдают над твоей, о друг, могилой бедною земной.

О Насреддин, ты Ноя мне и Ибрагима заменил,
Другой, в сравнении с тобой, мне, как Нимрод кананский,
был.

Ты свет пророка охранял, прославил ты святой Коран,
И о тебе средь верных шла хвала до отдаленных стран...

Он умер — брат, учитель мой. И жгучей горестью палим,
Я грудь свою испепелил, и дух мой превратился в дым.

Слова рыдают... В горе я главой, как Мариам, поник.
Ушел он, как второй Иса. Я замыкаю свой язык.

Пусть ведаст Али: Осман *** во дни смятения убит!
Пусть отрешится, как Али, твой дух от мира и скорбит!

Вахид Идрисом наших дней, Лукманом **** он премудрым
был, —

Но смерть пришла — и ни Идрис и ни Лукман не
защитил.

* Ахмад Мухтар — т. е. пророк Мухаммед.

** Хассан Ибн Сабит — известный поэт, прославлявший Мухаммеда.

*** Али и Осман — халифы, преемники Мухаммеда.

**** Идрис — пророк до Мухаммеда. Лукман — знаменитый врач древности.

СТИХИ
РАЗНОГО
ХАРАКТЕРА

РАЗВАЛИНЫ МЕДАИНА.¹

Мой дух, глазами размышлений на преходящий мир
взира́й,
В глухих руинах Медаина судьбу, как в зеркале, читай!
Хоть раз отправься через Деджлу* в забытый город
Медаин
И слез пролей вторую Деджлу среди таинственных руин.
Смотри, как кровь, струится Деджла в размытых знойных
берегах.
Она рыдает, но не слезы, а пламя на ее щеках.
Смотри, как вздулись воды Деджлы. Кипящий вал бежит
спеша,
Бушует, пенится, как-будто в стенаньях мучится душа.
Какая скорбь, какое пламя в ее бушующей волне!
Слышал ли прежде ты, что реки сгорают в медленном
огне?
Несет веками Деджла в море ненссякаемую мощь.
Отдай ей дань свою и слезы над ней свои пролей, как
дождь.

* Деджла — река Тигр.

И если будут вздохи скорби и искренни и глубоки.
То полреки во льду застынет и лавой хлынет полреки.

В цепях тяжелых бьется Деджла и вьется тяжело, как ^{цепь,}
Едва громаду Меданна ей на рассвете явит степь.

Пусть помыслы твои в ту пору к стенам развалят
И слово тайное руины душе твоей произнесут ^{воззовут}.

Зубчатые твердыни башен — с времен древнейших до ^{конца —}
Тебе свою расскажут повесть и повесть каждого зуба.

И молвят: — «Ты из глины создан и глиной бедны ^{стали мы,}
А некогда богатством, мощью и красотой блистали мы.

Боль вызывает головную у нас ночной совинный вой,
Избавь нас розовой водою очей от боли головной!

Рыдающие песни смокли в саду увядшем бытия.
Сова преследует и гонит певца ночного — соловья.

Нас воздвигала справедливость и нас разрушил грозный ^{гнет.}
Смотри — вот так дворцы тиранов круженье времени ^{сотрет!»}

Кем этих гордых стен и башен была разрушена краса?
Их небо стерло или сила, вращающая небеса?

Смеетесь вы: «О чем горюешь? Оплакиваешь чей порог?»
Но кто не плакал в Меданине, тот сердцем низок и убог.

Куфу² не выше Меданна в воспоминаньях ставит мир,
Не превзойдет руины эти Куфы прославленный тандыр³.

Куфы и Меданна стены равны пред гневом вечных гроз.
Плающий тандыр печали ты не зальешь и бурей слез.

О Медани, как много ликов хранит скрижаль твоих ^{камней!}
Идут по стенам вереницы безмолвных, каменных царей.

Ведь это тот дворец, где годы царь Вавилона был рабом,
И царь Турана униженным слугой склонял колени в нем.

На льва небесного когда-то отсюда, раскрывая зев,
Вот этот нападал крылатый из камня высеченный лев.

Представь, что ворота все те же, дворцы и площади ^{все те ж,}
Но пусты лестницы и входы... Где ж те владыки, люди ^{где ж?}

Сойди с коня, земли священной коснись и внемли: ^{тишина...}
Нуман⁴ был шахом, но однажды мат получил он от ^{слона.}

И сам Нуман царей вселенной давил пятой слонов своих.
И, как слоны его, доньше века теснят и гонят их.

И все цари, что посылали своих слонов покорных в бой,
Все безвозвратно проиграли, играя в шахматы с судьбой.

Из чаши черепа Ормузда кровь Нуширвана⁵ дольIANA
Не здесь ли вот, на смертном пире, пила земля — взамен ^{вина?}

На древних золотых коронах реченья мудрые вились,
Прочти сегодня мысли эти и в смысл их вещей углубись.

Хосров Парвиз⁶, пиров их роскошь и виноград их золотой
Давно исчезли и забыты, давно засыпаны землей.

Свой стол плодами золотыми Парвиз когда-то украшал —
И пиршественный стол, как солнце, златыми гроздьями ^{блистал.}

О золоте не говори мне, да и Парвиза нет давно.
Скажи, как мудрым подобает: «Пришло, ушло, ^{истреблено!»}

Где все они? Ушли бесследно, удел всеобщий разделя.
Владык и шахов поглотила их породившая земля.

Земля беременная поздно свой лучший порождает плод.
Таков закон: рождает в муках жена, что рано понесет.

Лоза обильная кистями в себя впитала кровь Ширин.
И не из праха ли Парвиза дихкана* глиняный кувшин?

Земля равно владык вселенной и нищих тащит на обед.
Вседневно за столом ужасным пирует жадный людоед.

И кровь детей ее, как пурпур, цветет на сморщенных
щеках.
О эта ведьма с черной грудью, в косматых белых сединах!

Ты, Хагани, навек запомни, что на развалинах прочел,
Чтобы хахан к твоей лачуге за поучением пришел.

Дервиш у шахского порога сегодня жалкой доли ждет.
А в некий день — султан к дервишу за подаением придет.

Дар благодатный светлой Меккой всем городам вселенной
дан.

Ты, Хагани, от Медаина дар унеси с собой в Ширван.

Несет из глины Джамры** четки паломнический караван.
Ты четки унесешь оттуда, где в глину превращен
Салман***.

Омойся в этом чистом море, склонись воды его испить.
Грешно уйти от побережья и жажду здесь не утолить.

Кто побывал в далеких странах — дары друзьям несет
домой.

Так пусть друзьям твоим подарком дастан звенящий будет
твой.

И пусть, как перлы четок, звуком и блеском истинной
красы

Порадует их дар безумца и мудреца с душой Исы.

* * *

* Дихкан — крестьянин.

** Джамра — священное место в Мекке.

*** Салман — сподвижник Мухаммеда и Али.

ЗЕРКАЛО ДУШИ

Душа — суровый мой учитель, а я — покорный ученик,
Тетрадь держу я на колене, с каламом я над ней поник.

Не каждое колено — школа, чтобы над ним сгибать свой
стан,

И жемчуг есть не в каждом море, не каждый дождь
весной — нисан¹.

Подобна древнему ковчегу познания школа. И шумят
Вокруг него просторы моря, а там за морем — Арарат.

Кому в суровой этой школе познания строгие даны,
Тому гора Джуди² по пояс, потопа волны не страшны.

Но тот не выдержит ученья и свой не выполнит обет,
В ком четырех бессмертных³ гурий дыхания и света нет.

И светел духом тот, кто сделал колено школою своей.
Он видит ложь и скрытность низких, читает помыслы
людей.

Кто неустанно и упорно уроки в школе той берет,
Тот рядом с низкими не сядет, на их беседу не придет.

Те, кто за полу Хызра мысли возьмутся — будут впереди.
У них Мусы увидишь руку⁴ и воду⁵ Хызра на груди.

Источники познания мира — в устах великой тишины»,
Иные все — недостоверны и выводы их не ясны.

Когда я на доске молчанья познания азбуку учил,
Я от словесного недуга свой дух молчанием лечил.

И был сперва я безъязычен и, как немой тростник,
молчал.

И только позже я, с годами, струной барбата* зазвучал.

Тростник был нем, но для меня он дыханьем животворным
стал,

Чтоб я дыхание веленья его, как флейту, услышал.

И он меня расплавил в тигле внушеньем до первооснов.
Во мне сгорел обманов дьявол, и человек — дитя грехов.

Когда бы все, что мне шептал он, я — записав — сложил
в дастан,

Весь мир бы свитками покрылся до грани, где стоит
Кейван⁶.

На высохших моих ланитах слезами красными, как лал,
Всех отвлеченностей алфавит я, как в тетради, начертал.

Когда ж глубокие начала усвоил я небытия.
Живые бытия загадки забыл с пренебреженьем я.

И понял я, что я — невежда, каким до школы этой был.
И все, что изучал годами, забвения водою смыл.

Свое невежество познал я, когда, казалось, все постиг.
Где есть еще такой наставник? Где есть подобный ученик?

Так попугай, когда внезапно он в зеркале был отражен,
Остановился в изумленьи, своим обликом смущен.

Всю жизнь учась, не перешел я еще от азбуки к слогам.
Когда диван⁷ читать сумею — пока еще не знаю сам.

Еще покамест, как с ребенком, со мной играет разум мой.
Как видно, этот желтый купол его пленял своей игрой.

* Барбат — струнный музыкальный инструмент.

Я, как на детскую игрушку, гляжу на сей круговорот.
Земля — я вижу — неподвижна, кружится вечно
небосвод.

День завершает представленья, чтоб завтра продолжать
игру.
Стихает шум. Дела дневные к концу приходят ввечеру.

Я в талисмани вдохновенья свое, как джина, заточил
И, заживо, Мусе подробно, его в гробницу заключил.

Ум рвется на простор прозренья... Вот так был должен,
может быть,
Перед войсками фараона пророк когда-то проходить.

Моей душою верховодить хотела дерзко страсть моя.
Но укротил ее сурово, связал ей крепко руки я.

Чтоб не осой была бесплодной терзаемая страстью злой
Душа моя в цветеньи мира, — а медоносною пчелой.

И похоть жадная хотела меня коварно сбить с пути.
И я, ее изведав низость, решил ей голову снести.

И тело похоти казенной меж четырех я стен зарыл,
Прочел отходную, и кровью ее могилу я залил.

Обычай старейший есть: убитых могилы — кровью заливать.
Крепка на вражеской могиле нерасторжимая печать.

И кто разрыть могилу эту посмеет дерзкою рукой?
Луна святая шарната над ней дозор несет ночной.

А если из могилы этой колючки густо прорастут,
Благослови их, — на колючках живые розы расцветут.

Владыка Зенд-Авесты — солнце — твой пир⁸. Проходят
небеса

У ног его, а на коленях его покоится Иса.

* Пир — старец, наставник.

Не обижайся, что не видишь добра от тех, чья жизнь
во зле,
И помни, что змея вовеки не уподобится пчеле.

Обманы мира скрыты блеском и одеянием цветным, —
Не предавайся обольщениям и украшениям земным.

Одежды мира многолики, таинственно значенье их,
Лишь прозорливые душою догадываются о них.

От всех влюбленных в мир, о мудрый, уйди сурово
навсегда!
Сердца возлюбленных жестоки, душа возлюбленных
тверда.

Прожив одну неделю в счастье, не обольщайся, не
гордись.
Через неделю в недостатки луны блестящей ты взглядишь.

Любуйся блеском листьев ивы, когда весной блестит
нисан.
Но как наряд ее поблекнет зимой, когда дохнет абан!

Так не ищи на свете счастья, дороги счастья не верны,
Лишь до созвездья Рака длится и счастье молодой луны.

Обманчивой тропой в пропасть уводит счастье жизнь
твою,
Стремись же сердцем к совершенству и к истинному
бытию.

Страшись, тиран, в своем чертоге! Ты слышишь стоны
жертв твоих!
Тебя от них не скроют стены! Смертельны стрелы
стонов их!

Страшись обиженных! Бессонно в ночи река их слез течет.
Потоп их глаз тебя однажды во сне с постели унесет.

Пусть будет мудрый терпеливым, когда гнетет его судьба.
Да не возьмет его навеки она в оковы, как раба.

Как Афрасьяб, не спи, коль спрятан в колоде у тебя
Бижан¹⁵.
Рустам тебя подстерегает, укрыв под панцирем аркан.

Ты спишь в довольстве — опьяненный. Но знай:
обиженный тобой
Не спит, горит, лучится ярко, как жук светящийся ночной.

Ты каешься, что как собака ты поступил? Скажи
«Аль-аф¹⁶.»
Раскаившаяся собака ведь тоже твоякает: «Аф, аф!»

От старости ты умираешь, — что ж плакать? Ты
приемлешь мир.
Уж пусть новорожденный плачет, являясь в муках в
этот мир.

Ты свой курдюк по воле неба с трудом таскаешь, как
овца.
Что ж на быке ты хочешь ставить фундамент твоего
дворца¹⁷?

Земля тебя вскормила грудью, ее ты вскормлен молоком;
Но кровь земля до капли выпьет из сердца твоего потом.

Не пей вина, в нем кровь отважных, земля когда-то их
взяла,
И кровь из жил до капли выпив, тяжелым гроздьям
отдала.

Земля с красавицей бездушной сходна и с деспотом-царем,
По внешности — цветник прекрасный, но кладбище под
цветником.

Будь Меккой Хорасан, Сельджукский Мелик в нем был
бы Каабой.
Будь Самарканд высоким небом, то был бы Кадархан
звездой¹⁸.

Но Самарканд не много плакал, когда скончался Кадархан.
По Мелик-шаху не оделся в печаль и траур Хорасан.

Мелик огнем был и водою; огонь потух, вода ушла,
От Мелик-шаха в Исфагане остались пепел и зола.

Хоть разгромил Гурхан¹⁹ Санджара, напав, как вихрь, во
тме ночной
Но смерть напала на Гурхана и унесла его с собой.

Будь счастлив, Хагани, что верным путем идет твоя душа,
И знай, что вся земная мудрость и власть не стоят ни
гроша!

* * *

О ХЛЕБЕ

Нет, полно! Не буду отныне себя унижать из-за хлеба!
Я пламенем дух напитая! Довольно страдать из-за
хлеба!

И лучше я кровь свою выпью, но к скатерти низких не
сяду.
Да, лучше погибнуть, чем в двери презренных стучать
из-за хлеба.

Я тигром свободным родился, но пусть назовусь я
собакой.
Когда к падишахскому трону приближусь опять из-за
хлеба.

И пусть я ослепну, и солнца и звезд и луны не увижу.
Коль в поисках буду напрасных глаза напрягать из-за
хлеба.

Пусть будут глаза мои ртутью, я ртутью залью свои уши,
Чтоб голосу низменных духом вовек не винмать из-за
хлеба!

Не надо мне белого хлеба властителей с черной душою.
Я лучше умру от бесклубья, чем душу терзать из-за
хлеба!

Хоть хлеб их и снега белее, но все их слова ядовиты,
Их помыслы низки. Так мне ли их дружбы искать из-за
хлеба?

Пастух получает лепешку... Но я эликсиром владею.
Сокровища духа не буду я им продавать из-за хлеба.

Неужто, как мельницу, снова пред низкими рот открывать
мне
И шею, как мельница воду, пред ними сгибать из-за
хлеба?

Ну что ж, если хлеба не будет — мы живы не хлебом
единым.
Ученый мыслитель не будет как буйвол мычать из-за
хлеба.

Пастись на пустынных равнинах я стану подобно
джейранам,
Но я к обладателям хлеба не буду взывать из-за хлеба.

Пусть лучше язык мой отсохнет, но хлеба еще не попросит,
Ужель униженья обиды опять испытать из-за хлеба?

Был изгнан Адам из Эдема за зернышко райской
пшеницы.
Достоинство вынужден был я свое потерять из-за хлеба.

Был праотец изгнан из рая. Я заживо ввергнут в геенну.
Без хлеба — голодную смертью мне здесь умирать —
из-за хлеба.

О боже! Ты знаешь о муках моих и о муках Адама!
Ты сам прогневишь на пшеницу, чтоб нам не страдать
из-за хлеба!

И долго ль еще, в этом мире, рукою бесчестной и низкой
Красу человечества будут терзать, убивать из-за хлеба?

Открой мне, судьба-негодаяка, причину такого гоненья?
Отколь на вратах моей жизни мучений печать из-за
хлеба?

Иль ангел довольствия в небе сам вычеркнул «хлеб» в
моей доле,
Чтоб тайную промысла волю сумел я понять из-за хлеба?
Внемли, Хагани! Ведь в конюшне одной — униженья с
почетом.
Так стоит ли на униженьи тебе развезжать из-за хлеба?
О хлебе своем у Аллаха проси, сотворенный Аллахом!
Тебе ли свое первородство во прахе топтать из-за
хлеба!

ЖЕЛАНИЕ ПОЕХАТЬ В ХОРАСАН

Почему до сих пор не пускают меня в Хорасан?
Соловья не пускают в цветущий его Гулистан.

Нет подобного мне соловья в хорасанских садах,
Хоть и слышится песня моя в хорасанских садах.

Жемчуг мой на иракский базар мне нельзя понести
И на славный базар хорасанский нельзя мне пойти.

Да, я знаю — течет в Хорасане живая вода.
Почему же, как Хызра, меня не пускают туда?

Я — второй Искандер, но остался я здесь на постой.
И нельзя мне пойти в Хорасан за живую водой.

У предела четвертого неба пленили меня,
В восемь дальних эдемов отсель не пустили меня.

Как Иса, аромат я и розе и мяте даю,
Но не вижу отсюда ни розу, ни мяту мою.

В чем же я виноват, что я жаждой палящей томлюсь,
Но к источнику светлому жизни я вновь не пробьюсь?

Что ж к порогу священному, где возвеличен коран,
Не пускают меня, будто я и не чист, не поган?

Или я им опасен, как бешеный слон Абрахи¹,
Иль меня к Каабе второй не пускают беднягу грехи?

Да, ворота твои, Хорасан, к небесам вознеслись,
Почему же я в них недостойн войти, как Иблис?

С сердцем радости полным, свободный, явился я в
Но не знал я, что Рей будет клеткой докучной моей. ^{Рей², —}

Рей — дихканская мельница, райский же сад — Хорасан;
Я не знал, что мне с мельницы путь преградят в Хорасан.

Говорю я среди мельников о Хорасане моем,
Племя грубое мельников мало что знает о нем.

И на мельнице этой хожу я, как буйвол в кругу.
Я — в ярме, и на пастбище я убежать не могу.

Что я здесь? Я, как плод обреченный, — опять и опять
Погибаю, и здесь не могу человеком я стать.

Слышу я — петухи на заре в Хорасане поют,
Я их всех голосистей — и вот я безмолствую тут.

Я раскрою уста и, как яркий рассвет, рассмеюсь,
Но не в Рее унылом. Я здесь и смеяться боюсь.

Я — безвременный май, вешний цвет раскрываю зимой;
Цвет мой гибнет, и здесь не дают расцвести мне весной.

Здесь я болен. Душевные муки терзают меня.
Хорасан — мой бальзам, но туда не пускают меня.

Здесь я телом, а сердцем моим и душою я там.
Я — гора, но меня не пускают к моим рудникам.

Я за львом в камыши бы ушел, затаился в тиши,
Но меня, как огонь, не пускают уйти в камыши.

Я в мечтах об эдеме сию здесь у адских дверей,
Здесь и спрятаться негде мне, место открытое — Рей.

К дальней цели стремясь, как планета, черчу я круги,
А пойти по прямому пути не дают мне враги.

Мои слезы невидимы, жгут они душу мою,
Перед этими низкими сердцем я кровь не пролью.

Как планета Бурджейс Близнецы* окружают меня,
В Саратан заповедный они не пускают меня.

Хорасан ароматом творений моих напоен,
Там — дыханье мое. Я же — в крепости здесь утаен.

Улетел далеко мною брошенный мяч, не достать,
Но с човганом меня на майдан не пускают играть.

Я застрял в этом Рее. О столько томиться мне лет?
И к прибежищу веры меня не пускают в Мешхед.

Поклоненье могиле Имама³ грехом, может быть,
Здесь считают теперь и меня не пускают грешить?

Разве для правоверных уже не святыня — Бестам⁴,
Почему не могу поклоняться святине я там?

И без вас, о владыки, охрана моя неплоха,
Ум и воля мои истребят скорпиона греха.

Это сердце и ум безопасно меня проведут,
Сбиться с верной тропинки в пустынных горах не дадут.

Предан правде высокой, за славою я не гонюсь,
Под охраною львов моих низости пса не боюсь.

Мне корона покоя и совести чистой дана,
Что мне почести, сан, коль меня украшает она!

Я — Каве, что вернул Фаридуна, Заххака пленя,
Что ж теперь к наковальне моей не пускают меня?

Коль нельзя в Хорасан, так вернусь я к отчизне моей, —
Но меня не пускают в источнику жизни моей.

* Бурджейс — Юпитер, Близнецы — созвездие.

Ни на родину, ни к Хорасану дороги мне нет,
На пути достижения цели положен запрет.

Стал похож я на воск, от которого мед отделен.
Но и от сулейманова перстня мой воск удален.

Здесь боятся: уйду, и смятенье пойдет от меня...
Но во мне есть две силы, смирившие ярость огня.

Как колодец мне здесь угрожает разверстый зиндан.
Потерял я надежду уехать к друзьям в Хорасан.

И кругом здесь колодцы зияют, куда ни взгляну.
Здесь и сердцу покоя и мира душе не верну.

Как Иракий, Ислама хочу я принять благодать,
Но корона и трон не дают мусульманином стать.

Как мячом здесь играть захотели моей головой,
Здесь лишен я последней отрады и жизни живой.

Я как облако стал. Но моря обхожу я кругом.
Здесь нельзя мне пролиться и в море вернуться дождем.

Я, как молния, небо я волен рассечь на бегу,
Но блестящей звездой на землю упасть не могу.

Пусть они в Хорасан отпустить не желают меня,
Почему же теперь и в Табриз не пускают меня?

У меня в Хорасане есть школа; в Табризском торгу
Лавка есть. Я ни в школу, ни в лавку пойти не могу.

Людам рейского племени взяткой готов я отдать
Все, что в городе этом по крохам сумел я собрать,

Чтоб они на свободу, домой отпустили меня,
Чтоб своим муравьям они здесь не скормили меня!

* *

* * *

Я страданье свое не отдам за бальзам,
За цветенье здоровья его не отдам.

Я обласкан, утешен страданьем моим, —
Этот горький бальзам поднесу ли к устам?

На базаре ты радость свою продаешь, —
Я за жемчуг страданье свое не продам.

Где душа, что усладою горя живет?
Лишь ее предпочту я счастливым сердцам.

Эту тайну, как пенье свирели твоей,
Я на свете ничьим не доверю ушам.

И теперь я — свирель, потерявшая звук,
Только взглядов язык и остался глазам.

Я — свирель, но хочу оставаться немым,
И внимать моей песне и тайне — не вам.

Весь я в небытии, в нем росток бытия,
И его я в обман лишь за вечность отдам.

Не отдам я кинжал искупленья скорбей,
За фиал тот, что древле пригубливал Джам.

Яд кинжала я выпью, как чашу услад,
Я его не отдам ни друзьям, ни врагам.

Я чалму променял на чадру, а ее
Не отдам за парчу, что надел бы Адам.

Тот убор, что Бахраму владыка послал,
За высокой твой шлем не отдам я, Рустам!

Это рубище скорби на теле моем
Предпочел я узорным стоцветным шелкам?

День один, мне возлюбленной данный моей,
Уступлю ли я миру, шести его дням?

Нет, я больше не стану султану служить,
Свой покой не отдам я обоим мирам!

Как собака из Кахфа⁵, душа Хагани
И ее не получит презренный Балам.

Не отдам я бесчестным иголку Исы,
Не продам я им пряжи льняной Мариам.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МАТЕРИ

О Хагани, тебя питает мать,
Что нитки прясть должна и продавать!

Зачем в Ширване тесном ты сидишь
И на страданья матери глядишь?

И ни под чьим не гнешься ты ярмом,
И материнским кормишься трудом.

Ты возле прялки матери, как тень,
Сидишь, унынья полный, целый день.

Ты не птенец, пора тебе взлететь!
До коих пор в гнезде тебе сидеть?

Ты кормишься от материнских крох
И вся твоя надежда — мать да бог.

Тебя, подобно древнему Исе,
По матери в округе знают все.

Доколь в лачуге матери сидеть?
Пора, как Хызру, землю облететь.

Ты богом одарен. Но почему
Привязан ты к порогу своему?

В мир за своей удачею иди,
И мать от бремени освободи.

Но не забудь ее священных прав,
К далекой цели путь себе избрав.

Ты, ради доброй матери своей,
Все притесненья вытерпеть сумей.

И наступленья дня того страшись,
Когда и матери иссякнет жизнь.

* * *

П р и т ч а

В Куфе одна красавица жила,
Она с аджамом дружбу завела.

И я сказал: «Беги сетей ее,
Ей нужно только золото твое.

Не превратись в осла ее, гляди!
Ты об осле ей притчу приведи:

«Раз был осел на свадьбу приглашен
И до упаду рассмеялся он;

Потом сказал: «Ведь я плясун плохой
И не для песен создан голос мой.

Дрова и воду я привык возить.
На свадьбе возчик нужен, может быть?»

* * *

* *
Сокровищница дней была полна,
Но тает, уменьшается она.

Стал ясный взгляд судьбы твоей тускнеть,
И лик надежды почернел, как медь.

Бедняк последний и султан страны,
Все пред летящим временем равны.

Для овцепаса в шапке травяной,
И для царя в короне золотой

Наступит утро, день за ним придет
И ночь вослед прохладою дохнет.

И тот обманут жизнью человек,
Кто понапрасну промотал свой век.

Ведя свой вечный кругооборот,
Жизнь, изнурая тело, дни крадет.

Жизнь стала меньше на день у меня,
И падишах не досчитался дня.

Жизнь одинаково — за годом год
У шаха и дервиша отберет.

Все пожирает времени дракон,
Исчезнут муравей и скорпион.

Для наводнения — для его волны
И щебень и сухой камыш равны.

Не знает разницы пожар степной,
Между сухой и свежеею травой.

От ветра ли свече пощады ждать?
Защиты хлопку у огня ль искать?

Не знает правды царь, но знаю я,
Он — суетен, свободна мысль моя;

Несведущий и сбившийся с пути,
Он должен цепи алчности нести.

* *
4

* * *
Когда б в Ширване друг нашелся мне,
Не думал бы я о другой стране.

Когда б в Табризе я покой обрел,
В Армению бы я не перешел.

Когда б собрал трудов моих плоды,
В иные б не стремился я сады.

Хоть ласков был я со своей судьбой,
Она была неласкова со мной.

Мечта меня заветная звала,
Но мне судьба в пути не помогла.

В предел желаний я летел спеша,
Но не нашла желанного душа.

Казалось, я мечты своей достиг,
Но не открыла мне сна свой лик.

Я мыслью к звездам, как орел, взмывал
И оба мира я обзирывал.

Во мне был мир желаний. Ни одно
Мое желанье не утолено.

Томимый жаждой, я к воде приник,
Но вот иссяк последний мой родник.

Иссох зеленый сад души моей,
А в этом мире нет и нет дождей.

Судьбе покорен, молча я тружусь,
Но, видно, урожая не дождусь.

Плоды, что мне нужны — не рождены,
А те, что налились — мне не нужны.

* * *

Я глиногубый, земликий, тяжелый, с каменной душой.
Дана мне глиняная чаша с кипящей огненной водой.

Мне золотой не нужно чаши, и ты мне не давай ее.
Налей мне в глиняную чашу, я поцелую край ее.

Из чаши глиняной тяжелой пить буду красное вино, —
Я сам из глины, и не нужно мне в чаше золотой оно.

Глубокодонную, как море, подайте чашу для меня!
Мне раковиную Зардушта в душе не погасить огня.

Друзья мои, я вам откроюсь, — мне опостылел этот гнет.
Но всяк из вас меня недаром благожелательным зовет.

Ни раковина не подходит, ни филигранный мне бокал,
Я чаши глиняной возжаждал, свободы духа я взалкал.

Я море выпил, и как море душа моя опьянена,
Мне эта маленькая чаша из перламутра не нужна.

Я выпил глиняную чашу, и от корней моих волос
Дыханье роз и базилика, земли дыханье разлилось.

Пусть все вокруг меня сегодня из перламутра будут пить.
Акула — я, меня из утлой ракушки их не напоить.

Эй кравчий, ты — джейран серебристый, ты — бык
Джамшида золотой!
Ты кровью зайцев змея Зуххака понты задумал и водой?

Нет, золотой мой бык, пусть пламя тает в чаше чистое в вине,
Сам погляди — я крепок телом и сердце львиное во мне.

Пусть будет ныне самарийцам глава золотая отдана,
В моей же чаше — влага Хызара, Мусы пылает купина.

Как глиняная чаша, были моей рукой возведены
Вот эти, где сижу я гостем, четыре глиняных стены.

Есть у меня сосуд железный, что прежде мне служил
всегда;
Был верен мне сосуд железный в годину бедствий и труда.

Но пить из глиняной широкой я чаши ныне захотел,
Как перстни, глиняных кувшинов на пальцы ушки я
надел.

Кто пьет вино — не знает жажды. А я — я чистый
жемчуг пью,
И как же мне, друзья, сегодня на жажду сетовать мою?

Но как такую тяжесть горя в душе крылатой мне носить?
Я сколько чаш ни подымаю, все горе мне не облегчить.

И молвил глиняной я чаше и темно-красному вину:
«О если бы вы мне вернули блаженство, мир и тишину!»

Ответьте мне, вино и чаша, откуда вы! — Не знаю я.
Чем больше пью я, тем сильнее кипит во мне печаль моя!

«Увы, я — прах Парвиза!» Чаша, заплакав, отвечала мне.
«Увы, я тоже было кровью царя!» — вино сказала мне.

Неудивительно, что душу вино не радует мою,
Коль из парвизовой скудели я кровь живую мира пью.

А я ведь — Хагани, но как же таким невеждой мог я
стать,
Чтобы в крови царей умерших живую мощь себе искать?

* * *

1.

Солнце взошло. О любовь, принеси мне скорей чашу вина!
Солнцем зари пусть мне будет в мире скорбей чаша дана.

Поторопись, виночерпий, мне чашу налить! Я изнемог.
Уж в синеве на коне своего торжества едет луна.

Тонкое скинь покрывало с лица твоего! Воспламеняй
Душу мою! Пусть, пылая свечой, изольет слезы она!

Если ты мне воротить мой утраченный мир не помогла,
Пусть моя жизнь загорится, взлетит и падет — вся
сожжена.

Слезы твои, словно жемчуг, упали с ланит в чашу мою,
Сладким твоим поцелуем блаженно душа опьянена.

Я пред тобой открываю в горячих слезах муки мои.
Пусть же тобой мне отпущена будет навек сердца вина!

Песни мои — порожденные сердцем — тебе шлет Хагани,
Как жемчуга — в тишине породившая их — вод глубина.

2.

Сердце мое, как челнок, а любовь — океан.
Слушай, любимая! Эти слова — не обман.

Я, словно молнией, нашей разлукой спален.
Ранен, как саблей. И я умираю от ран.

Сжался! Ты видишь — под бурю гибнет мой мир,
Тонет корабль мой, ветрила сорвал ураган!

Воли бушевание лишь по колена тебе,
Я же кипящим смерчем с головой обуян.

Кто же — соперники у Хагани? Ведь они
Даже стоять у моих недостойны стремян!

* *

3.

С той поры, как я в арканы длинных кос ее попал,
Тая, радуясь и плача, как свеча, я запылал.

Сколько раз в коротких письмах тень надежды я ловил,
Сколько я ночей, в мученьях, глаз бессонных не смыкал...

Для того чтобы хоть мельком видеть каждый день ее,
Я бы дверь ее веранды, как невольник, охранял.

Взгляд ее миндалевидных черных глаз меня пленил,
И расколотой фисташкой я с тех пор от горя стал.

От стыда гляжу я в землю, — мне ей нечего дарить.
Душу отдал бы. Но видно, ей подарок этот мал.

Не завидуйте быломu! О друзья, лишь тем я жив,
Что огонь надежды слабый в этом сердце не пропал.

В книге дум ее прочтешь ли день грядущий, Хагани?
Все приму я, что бы этот мне оракул ни сказал.

* *

4.

Золотая луна пред лицом твоим светлым тускла.
Ты улыбкою солище само пристыдить бы могла.

И когда повела ты на приступ войска своих чар,
Сразу вал укрепленный ума моего прорвала.

Ты вошла в мою крепость — к дверям потаенным души,
Дверь неслышно открыла и в плен мою стражу взяла.

До тебя было горем разграблено сердце мое,
Ты остатки разграбила, выжгла мне душу до тла.

Твои длинные стрелы — ресницы сразили меня,
Ты взглянула — и сердце мое пронизала стрела.

Мои письма к тебе не дойдут, — у скворца моего,
Что носил тебе письма, в полете сломались крыла.

Хагани создавал свой дастан. Но сломался калам,
Вдохновенье увяло, рука на строке замерла.

* *

5.

Почему, о душа, ты рассталась со мной?
Пред тобой я какой провинился виной?

Я искал тебя всюду, рыдал и зывал,
Истомленный, с согбенной от горя спиной.

Я прошел города, но нигде ни следа, —
Не нашел я души на дороге земной.

Или бедное счастье наскучило ей —
Улетела — и радости ищет иной?

Или за море птицей умчалась она,
Иль с водой ручейков убежала весной?

И опять в городах вопрошал я и звал,
Обошел я, тоскуя, страну за страной.

Не найду ли бездомную душу мою?..
И ответил мне отрок в деревне одной:

«Хагани, твою душу я видел в сетях, —
В плен ушла она, следом за юной луной».

6.

Луну не ищу я, мне лик твой милей.
Мне сладостней роз эта амбра кудрей.

Да, я обезумел. Но чтобы связать
Меня, твои косы надежней цепей.

И слезы мои, как без облака дождь.
А кудри твои — облака без дождей.

Зачем тебе зеркало это в руке?
Ладонь твоя светлая зеркал светлей.

Черны твои косы, как ночь моего
Полета на небо двудужья бровей.

Что даст своей тенью мне там Гамаюн¹⁾?
Довольно мне тени от кровли твоей.

И незачем небу терзать Хагани,
Причуды твои истерзают верней.

* *

7.

Стал я сам, как Меджиун, по вине этой смуглой Лейли
И причуды ее до безумья меня довели.

Ее кудри порвали в душе моей цепи терпенья
Ее родинки веру в измученном сердце сожгли.

И она возгордилась, она от меня отвернулась.
И рекой мои слезы безмолвно в тоске потекли.

Но сегодня пришла она, плача, глубоко вздыхая.
И спросил я ее: «Чем утешить тебя? Повели!

Что тебя огорчило — скажи?» И она отвечала:
«День мне кажется годом, когда от тебя я вдали!»

О какое сияние прелести! Это ль не чудо.
Что лишь низкие видеть достоинств ее не могли!..

Восхвали небеса, Хагани, что они породили
Красоту неземную ее из воды и земли!

* *

8.

Твои стрелы пернатые — в сердце моем.
Мне от них никаким не закрыться щитом.

Я вступил в обители чистой любви
Я невольником стал, я расстался с умом.

О как странно, что птица летает без крыл
В этом воздухе пламенном, в мире твоём!

Я иду, и пути мне обратного нет.
И любовь моя схожа со смертным мостом.

Я томлюсь по тебе. Но не ведаешь ты,
Что печаль мою душу сжигает огнем.

О прими Хагани! Он твой пленник и раб,
Ты одна у него в этом мире земном!

* *

9.

О любимая, солнце земных моих дней!
Для меня ты и счастья и жизни ценней.

Сердцем сердца была ты досель для меня
А отныне ты стала души мне родней.

Исцеляешь ты ласково раны мои,
И одна ты — бальзам моих давних скорбей.

О султанша души моей, повелевай —
Я исполню, раба не найдешь ты верней!

О кощунстве, о вере ли буду писать —
Первой песнею будешь ты в книге моей.

И отныне я только лишь твой Хагани,
Ты одна — мой хакан и владыка царей.

* *

10.

Семь прославляют небес твою красоту и стать,
Мог бы султан красоты оба мира завоевать.

Если ты косы свои, словно арканы, взметнешь
Можешь ты птиц на лету, в небе Плеяды поймать.

Лик твой, светлее луны, ярким сияньем своим
Может, как темную степь, дали души озарять.

Скроешься ты, и в печаль весь погружается мир...
Ты бы могла снизить, миру в беде помогать.

Этот мятущийся мир горя не знал бы с тобой,
Если б разлука с тобой не угрожала опять.

Знает твою красоту, прелесть твою Хагани,
Только откуда ему свойства души твоей знать?

* *

11.

Для тебя я и сердцем своим бы пожертвовать мог,
За свиданье с тобою я душу бы отдал в залог.

Я стремлюсь за тобой: там, быть может, покой обрету.
Где сияет твоей красоты лучезарный цветок.

Ты меня новизной изумляешь и блеском ума,
Красота твоя сказочна, дух твой и жив и глубок.

Под лучами твоими светла моя темная ночь,
Будто ярким сияньем луны озаренный восток.

«Есть душа у тебя?» — ты спросила, но что мне
сказать? —
Есть душа, но не знаю я — где ее темный исток.

Ты вчера мне приснилась и ты мне сказала во сне:
«Бедный друг, как ты сердцем в разлуке со мной
изнемог!»

Без тебя на земле только бледная тень Хагани.
Но и тень исчезает, а день нашей встречи далек.

* *

О радующая сердца, скажи мне, кто избранник твой?
Чью душу в мире ищешь ты? К тебе стремлюсь я всей
душой!

В каком саду ты расцвела? Где я могу тебя найти? —
О амбровый багряный цвет, возвращенный юною весной!

О ты, султанша красоты, владычица моей души,
О яркая луна, какой порождена ты высотой?

Раскрой свой нежный перламутр, рассыпь жемчужины-
слова,
Кого стремишься ты пленить? Скажи, откройся предо
мною.

Все соплеменники твои попали в плен твоих кудрей,
Как можно спрашивать: «Ты чья?» Немыслим и вопрос
такой.

Ты с нами, но не наша ты, ты дух и невидимка ты.
Кому же ты принадлежишь, хоть стала ты моей судьбой?

От множества твоих причуд в смятенье сердце Хагани.
Кому же ты благоволишь и мир даруешь и покой?

* *

Сладостным зноем вчерашней ночи опьянена,
Снова придти к ней сегодня мне повелела она.

Я же, придя, испугался: боже, что с милой моей?
Никнет она в лихорадке, жаром недужным полна.

Как заходящее солнце, лик воспаленный горит,
На потемневших ланитах выступила желтизна.

Кровопускателя вызвать — лекаря — я поспешил.
Лекарь пришел. Вот — ланцета сталь им обнажена...

Вену возлюбленной вскрыл он. Мне показалась в тот миг,
Будто индийским кинжалом грудь моя поражена.

Кровь ее жилы струилась; мне же казалось, моя
Кровью душа истекает, мукой немой стеснена.

В таз золоченый стекала кровь, что в мученьях была
Стрелам причуд ее в жертву сердцам моим отдана.

Было с тем тазом для крови схоже лицо Хагани.
Бледность ланит была кровью слез его обагрена.

* *

14.

Выйди в поле, любовь моя, видишь, как поле цветет,
Роза с утренним ветром из чаши свидания пьет.

Соловей говорит, что нарцисс опьянел от любви,
Он, как видно, не знает, что красный тюльпан его ждет.

«Опасайся любви своей!» — лилия мне говорит,
Но свет ее вряд ли до слуха влюбленных дойдет.

Дань с цветов собирает в широкую полу весна,
Роза прячется в листьях, наряды свои бережет.

Не ходи в цветники, там ты палец шипом занозишь,
Там ведь злой недотрога — колючий шиповник растет.

Я боюсь, о красавица, если ты выйдешь гулять,
Кипарис — твою шапочку, мак покрывало сорвет.

Ветер утренний амбровых кос услышал аромат,
И вдохнул, и унес его в поле, и не отдаст.

Из-за этого в ссоре я с ним. И смеются кругом:
«Вот — глупец — Хагани, с ветром утренним споры
ведет!»

* * *

15.

Сердце, союз с любовью ты свой обнови,
Данный любви обет свой былой обнови.

Если о вере и верности ты говоришь,
Истинной верности пламень живой обнови.

Перед кумиром влюбленный свершает намаз,
Ты поклонения идолу строй обнови.

Что на мели ты крылатый свой держишь корабль?
Бурям предайся и дружбу с волной обнови.

Скорбью ты горести прежде свои утолял,
Скорби не бойся и споры с судьбой обнови.

Дань свою хочешь с обоих миров ты взимать?
Право у сердца для власти такой обнови.

Стрелам очей своей милой навстречу иди,
Рану сердечную жгучей стрелой обнови.

В зелень одета красавица, словно весна,
Душу ты зеленью той молодой обнови.

Мир этот гнусен, в нем горе, как мята, растет,
Скорбь свою мятой, душистой травой обнови.

В мире забыли Медждуна, но ты, Хагани,
Душу и образ Медждуна собой обнови.

* *
*

16.

Я такой красоты, как твоя, никогда не видал.
Пусть любовь моя — мука, я радости высшей не знал.

Хоть подобной тебе в целом мире красавицы нет,
Но никто и любовью такой, как моя, не пылал.

Знаю я, как опасно стоять у подножий твоих,
Но когда бы я мог, то тебе бы я под ноги пал.

Я в ночи ни на шаг не уйду от ограды твоей,
Хоть бы страж твой мне смертью за каждым углом
угрожал.

Если путь от тебя до меня, как столетье, велик,
От меня до тебя он — мгновение, я бы сказал.

О, прости, коль опять беспокоит тебя Хагани!
Неужель для тебя он докучною мухою стал?

* *
*

17.

Найдется ли кумир, подобный десятиликой моей?
Среди безнадежно влюбленных было ль кому трудней?

И вся моя жизнь отныне висит на нитке одной.
Где тоньше отыщется нитка? Кому еще было больней?

Два мира отдам я и душу за волос единый ее.
Кто больше, чем я, заплатит? Кто в мире меня щедрей?

Мне утренний ветер приносит далекий ее аромат,
Я лучшего дара не знаю, чем амбра ее кудрей.

О, если под каждым камнем отыщешь ты сто Хагани,
У них ведь моих не найдешь ты возвышенных дум и
речей!

* * *

18.

Я в мире смертного не знаю, кому б не снился твой
кинжал,
Как часто я, томим любовью, забвенья вечного желал!

Живое сердце растерзали тобою пущенные стрелы,
Иль это бедствием небесным высокий свод меня карал?

Ты сотни, тысячи несчастных своими стрелами сражаешь,
Но крови нет следа на стрелах — на золоте блестящих
жал.

О ты, султан очарований, как много зла ты причиняешь,
И нет суда и нет надзора, чтобы тебя он удержал.

Защиты нет мне в этом мире, и я умру неотомщенным;
И никого нет, кто меня бы перед тобою защищал.

Огнем любви неразделенной в груди моей сгорает сердце,
Забито горло горьким дымом, тандыром дух мой
запылал.

По сотне раз я ежедневно терпенья книгу раскрываю,
Но не запомнил я ни строчки в той книге, сколько ни
читал.

Вся жизнь моя прошла в напрасной надежде встретиться
с тобою,
Измучен я, но срок разлуки короче ни на миг не стал.

«О боже, боже!» — Повторял я, мольба тебя не достигала,
Нет, видно, пользы в этом, сколько б к тебе в слезах я ни
взывал.

О Хагани! Какая польза в бесплодных возгласах: —
«О боже!»
Ведь этим всем твоим — «о бсже!» — один ты только и
внимал.

* * *

19.

Слух о твоём очарованье вселенную заполнил,
Но обещающий надежду услышан с неба голос был.
И волосы твои закрыли лицо, подобно покрывалу,
Как будто вечер солнце мира в обитель тайны удалил.
Кто сердце от тебя ни прятал в потемках, как свечу,
Живой твой пламень сжег их тело, смеясь, их души
растопил.
Но сколько бы мучений горьких ни причиняла ты
Никто не сетовал на это, никто тебя не поносил.
Когда запутается птица в сетях волос твоих кудрявых,
Навек она там остается, как будто рок гнездо ей свил.
Один твой перл дороже клада и всех сокровищниц
Но где тот океан, который твой перл бесценный породил?
Я за одно твое лобзанье отдам свою живую душу,
И я сочту, что не напрасно такой ценою заплатил.
Твой — Хагани, не поднимай же над ним своей разящей
Один твой взгляд, твой взгляд лучистый, его без боя
победил.

* * *

20.

Милая, разве могу я тебя не любить,
Ты моя радость одна, без тебя мне не быть...

Пламя такое пылает в груди у меня,
Что и морскою волною его не залить.

Тысячи красок смешать я могу, но увя,
Что я смогу без любви твоей изобразить?

Жил я всю жизнь по одним лишь законам любви,
Я от законов ее не могу отступить.

Как я о ранах сердечных поведать могу? —
Я по бумаге каламом не в силах водить!

А ведь сердечную боль и печаль Хагани,
В тысяче писем и в сотне касид не излить.

* * *

21.

Я, как ветки в цвету, не достигну свиданья с тобой.
Что мой песенный дар по сравнению с твоей красотой?

Мимолетно тебя я увидел один только раз —
И мучений бессонных вокруг меня кружится рой.

Я не знаю, где ты, и вести мне нет о тебе,
Я вдали от тебя угасаю с разбитой душой.

Да я знаю, с тобою увидеться я не смогу,
И уж смерть в мои двери стучится костлявой рукой.

Вспоминая твой взгляд, я читаю в нем тайный упрек;
Сердце молча томится, пронзенное смертной стрелой.

О, хотя бы один мне твой взгляд, только взгляд издали,
Но, как видно, дожидаться его не дано мне судьбой.

Сердца скорбного тайную весть услышал Хагани,
От порога дверей твоих прочь не уйдет он живой.

* * *

22.

Весть о тебе прошла по двум мирам,
Неся огонь мучительный сердцам.

Еще до твоего явления в мире
Слух о тебе прошел по всем краям.

Такое пламя душу охватило,
Что искры полетели к небесам.

Спокойна будь, недаром злым упреком
Молва идет за мною по пятам.

Но неужель после размолвки этой
Немыслимо и примиренье нам?

Обрадовался враг мой и воскликнул:
«Какой фазан попал в тенета сам!»

Пусть притчу о змее и садоводе
Сей случай с Хагани напомнит вам.

* *

23.

Не взлететь мне больше на подрезанных крылах.
И погас мой светоч. Сумрак на моих путях.

Я перед врагами прячу взгляды от тебя,
Будто есть опасность для тебя в моих глазах.

Там, где ты проедешь на коне своем верхом,
Под мечом коварства жертвы падают во прах.

В волосок из лука редкий попадет стрелок, —
В сердце ты, не целясь, попадаешь и впотьмах.

Клятву дашь и тут же нарушаешь ты ее.
Как ты бессердечна, ласкова лишь на словах.

Чтоб всегда твой образ созерцать, душа моя
Миновала страшный путь над безднами в горах.

Под твоим подножьем пепел сгубленных надежд
И стоит престол твой на растерзанных сердцах.

Хагани все цепи разорвал, стремясь к тебе.
У тебя же в мовых оказался он цепях.

* *

24.

За поцелуй один, о пери, я жизнь свою отдать готов.
В меня вдохнет он жизнь другую, блаженство на века
веков.

Меня сжигает зной палящий, а ты, как сахарный
тросгник,
У чьих корней таится холод живых и чистых родников.
Я не изведу веселья, громадой горя угнетен.
Так пусть печаль меня затопит, выходит пусть из
берегов.

«Собакой твоего порога» ты назвала меня вчера.
Но ведь порог твой в мире выше престолов царских и
венцов.

Ты — черноглазая тюрчанка, я твой индийский белый
раб.
Дарь меня чем хочешь — тронем иль поясом твоих рабов.

Надеясь, что другие крылья ты дашь мне, на свече твоей
Спална я трепетные крылья, как мотылек ночных садов.

В причудах ты подобна морю, изменчивая, как волна,
То мой челнок ты разбиваешь, то даришь горстью
жемчугов.

Сказала ты: — «Настанет время — отдам я перлы Хагани»,
Срок наступил — клянусь аллахом, я этот дар принять
готов.

* * *

25.

Нет, ты не любишь ладить с теми, в ком чистый пламенник
горит,
Твой странный дух скорее к нраву дурных людей
благоволит.

Я жертвой пал твоей, но все же о состраданьи не прошу,
Бери свой лук и пусть жестоко стрела твоя мне грудь
пронзит.

Мне только ночь была защитой и покрывалом тайн моих,
Пусть дым моих горящих вздохов и полдень в полночь
превратит.

Коварны происки, уловки толпы соперников моих.
Пожар во мне незримо тлеет и путь к нему извне закрыт.

Лишь сердце знает цену сердцу. Собою доволен
перламутр, —
И он цены не знает перлу, что и во тьме ночной блеснит.

Коль о твоей любви бесценной молва дойдет до цветника,
То мимо всех даров Новруза рассветный ветер пролетит.

Покамест дышит, не оставит тебя в покое Хагани,
Надеясь, что доброе, быть может, в твоей душе заговорит.

* * *

26.

Ты огнем разрываешь мне грудь, о султан красоты!
Я твой пленник, оковами руки мои обвиты.

Ветви дерева не зеленеют в моем цветнике,
Обнаженные с осени — не расцветают кусты.

Потеряли рассудок влюбленные из-за тебя,
У пещерных отшельников мукой сердца налиты.

Истерзались в разлуке с тобою живые сердца,
Без тебя не наполнить душевной ничем пустоты.

Я, со временем в нарды играя, вдвойне проиграл,
Мне неверные камни бросает судьба с высоты.

Совершил я ошибку, безумно влюбившись в тебя,
И стучусь я напрасно в закрытые двери тщеты.

Хагани! Лишь молва о любви твоей в мире прошла,
Все сказали, смеясь, что в любви не осведомлен ты!

* * *

27.

Напоенный дыханьем кудрей мне отрадней пошли
ветерок,
Как сосуд благовонный весны, что едва распечата
восток.

Утро чашей шербета пошли, от которой пригубила ты,
Поцелуй мне залогом пошли, что свидания день
недалек.

Я безумец, ты знаешь сама, я умру от недуга любви,
Умоляю тебя: снизойди, отдали моей гибели срок!

Поцелуем своим улади непомерность мучений моих,
Пусть мне узами будет навек твоих мускусных кос
завиток.

Покрывало с лица подыми и зарей долгожданной блесни,
В обители скорби сама, словно солнце, ступи на порог.

Коль не можешь придти ты ко мне, ты яви мне свой
образ во сне,
С тихим ветром вечерним пошли своей верности вечный
залог.

Столько горестей из-за тебя, столько мук претерпел
Хагани, —

От преданности в этом мире, добра бывшего не осталось,
И в сердце — дружественном прежде — тепла живого не
осталось.

Вновь надо мною гнев судьбины зловеще простирает руки.
Но сил бывалых для отпора, щита и крова не осталось.

Сад верности спален пожаром, и пепел по ветру развеян,
Не только зелени, а даже куста нагого не осталось.

На волоске между геенной и раем я судьбой повешен.
Я, обреченный на мученья, терплю. — Иного не осталось.

Я изучил людей глубоко; и жалеюсь и негодую, —
Ни в ком из них бывшего света, тепла людского не
осталось.

О Хагани, уйди от этих людей, в пучине зла погрязших!
Питайся, молча, кровью сердца! Тебе другого не
осталось.

* *
*

В этом мире не слышал я искренней речи простой
И не видел я радости, скованный мрачной судьбой.

Сколько в нарды и в кости я с веком моим ни играл,
Я всегда был обманут коварной, неверной игрой.

Изучил я людей и явления сам поверял, —
Вижу: нашему времени чужд равновесия строй.

Тень моя сотрапезник мой! Ты, собеседник мой — стон!
В дружбу вашу я верю, и дружбы не знаю иной!

Тень — очей моих свет! Друг бессменный души моей стон!
В размышленьях, в труде вы одни пребывали со мной.

Но хоть прежде не мало я числил друзей средь людей,
Все они обманули и все были кривы душой.

Вне вселенной я верность и искренность буду искать,
Ибо в жизни их нет, ибо мир их не знает земной.

В знак печали я платье свое на груди разорву,
Ибо радости я на земле не видал ни одной.

Где же доблесть, где мужество? Тоже покинули мир.
Только злоба шумит, словно море, тяжелой волной.

Я слышал: в вертограде столетия зреют плоды, —
Но не видел я прибыли, кроме соломы гнилой.

А из пищи, варящейся в вечных вселенной котлах,
Избираю я бедности хлеб и душевный покой.

Я вернее лекарства для раны души не нашел,
Чем вино, принесенное утренней ранней зарей.

О рыдай, Хагани, под рыдания саза времен!
Лучших песен не знал я, чем голос рыдающий твой.

* * *

31.

Друга ищи, если даже в пути смерть ожидает тебя.
Требуя преданности от других, требуй ее от себя.

Чтобы бесценный перл отыскать, дальних путей не
страшись.
Чтобы бесценный перл отыскать, в бездны морей
опустись.

Если приюта на лоне земном тебе не найдется, ну что ж —
В самой высокой сфере небес место себе ты найдешь.

Жизнь, словно скатерть, ты развернул в этом просторе
земном, —
Другу сначала доверься душой, гостя зови потом.

Дьяволами наполнен весь мир. Но в безысходной ночи
Свечок зажги сперва, а потом ты Сулеймана² ищи.

Встань, Хагани! Превозмоги горение ран в груди,
Прежде чем в мире бальзам отыскать, друга сперва найди

Яд путешествия выпей, как Хызр, и уходи на восток.
Там ты найдешь в заповедных горах животворящий
поток.

Нет никогда Градом Добра не будет Шарван-Злоград!
Области верности и добра за гранью Шарвана лежат.

Ты отрекись от прежних друзей, от родственников
отрекись.
В дальние поиски новой родни, новых друзей устремись.

Помнишь: Юсуфа братья его продали в рабство? Уйди
И отрекись от братьев своих, новых братьев найди!

Воды Шарвана полны акул, злобою дышит Шарван.
За питьевую чистой водой в дальний иди Хорасан.

Берегом моря иди на восток, прямо в Табаристан
В Табаристане цветущем найдешь светлый Тарибистан³.

Там исполнение желаний твоих, светит Амул на пути.
В дальнем Гургане ты своего сможешь Юсуфа найти.

* *

32.

В благоуханной розе мира дыханья преданности нет
И радости неверной мира мгновенно исчезает след.

Не говори об этом мире! Пусть он по-твоему хорош,
В нем двух друзей единокружных и преданных едва ль
найдешь.

О преданности пса цепного немало в баснях говорят,
Но в человеке ты отыщешь такую преданность навряд.

А общей дружбы эликсира никто доньше не открыл,
В сокровищнице судеб мира ее и Хызр не находил.

Переноси страданья молча и не надейся на бальзам,
Всех нас одна болезнь погубит, нет от нее лекарства нам.

Никто здесь не достигнет цели, так покорись своей судьбе,
Из четырех стихий подушку для ложа сделай ты себе.

А день и ночь — замки такие, что к ним отмычки не
найдешь,
Их, может быть, ключом предсмертных своих страданий
отопрешь.

О Хагани, надежд напрасных на дружбу в сердце не таи!
Исы дыханье там не веет, где лишь дыхание змен.

* *

Доколь мне угнетения сносить
И вздох от тени собственной таить?
Я — флейта с горлом заткнутым. Могу
Стенать, но не могу я говорить.

Чем жажду справедливости моей
В несправедливом мире утолить?

Доколе бешеный двуцветный пес
Меня стараться будет укусить?

До коих пор я, как ручной кувшин,
В ладони низких воду буду лить?

До коих пор, с веревкой на спине,
Весами в лавке буду я служить?

Коль от веревки я освобожусь,
Приду я в равновесье, может быть.

До коих пор, как камень пробы, я
Безмолвно буду истину таить?

Ты говоришь: «Утихни, Хагани,
Пора бы успокоиться, остыть!»

Ты видел бурю, волны, облака?
Попробуй бури бег остановить.

* * *

Несчастье новое пришло, грудь уязвило мне, как сталь.
И снова в сердце у меня проснулась старая печаль.

Я лихорадкой объят, горю в мучительном огне.
Но чашу яда, не бальзам, судьба моя подносит мне.

Взгляни, как ослабел огонь у догорающей свечи.
Так я сгораю, как свеча, от жгучих слез в моей ночи.

Как искривляется свеча и тает в собственном огне,
Так искривила спину скорбь испепеляющая мне.

Увы, не собран мой посев, жнеца созревший колос ждет.
Но не собрать мне урожай и пламя смерти все пожрет.

Укоры поздние друзей — нет горшего на свете зла...
А эта весть не из Ганджи⁴, а с родины моей пришла.

Жар лихорадки, что ни ночь, жестоко потрясал Ганджу.
И разрывая стоном грудь, от лихорадки я дрожу.

Услышав стон мой азанчи⁵ сказал: — «Беды не миновать!
И, кажется, грозит Гандже землетрясение опять».

Злопамятен горбатый свод, в его природе месть и зло,
Но почему скорбей и слез на долю столько мне пошло?

Вот пролил вновь живую кровь, не зная жалости, кинжал,
За зло в награду у него на рукояти блещет лал.

Бьет лихорадка Хагани, он мучится в огне беды,
Но ведь зато в его словах есть свойство и живой воды.

* *
*

35.

Богатствами наделены и славой низкие в наш век
И торжествует на земле во зле погрязший человек.

Да, этот мир — не навсегда, печали наша жизнь полна.
А если в жизни радость есть — то низким выпала она.

Ты, мудрый, удались от них и от пути их отойди!
Здесь лишь презренные идут и низменные впереди.

Достойным людям плохо здесь, достойный бедам обречен.
Жесток несправедливый мир. Всегда таков его закон.

От низких ты не жди добра, добра в их темном сердце нет,
А сделать захотят добро — то причиняют только вред.

Взгляни: открытый взгляд их прям и честен, но душа
темна;

И то — их двойственная суть, подобна зеркалу она.

Сокровища в руках невежд, мудрец же — голоден и бос,
И скатерть щедрая Исы во власти разъяренных ос.

Стыдись, имущий власть! Жена, как хочет, волю гнет
твою!

Великим низкий — господин, диктует волю им свою.

Будь весел, смейся, Хагани, веселье в сердце сохрани!
Пусть торжествуют здесь они — ты в день суда на них
взгляни!

* *
*

Проходит, в сторону мою богатство не глядит,
Лишь бедность в доме у меня, безвыходно гостит.

В тумане прошлое, всех дней я вспомнить не могу,
Не ведаю, что суждено мне встретить на веку.

Зимой дерево мое до срока расцвело:
И мне ни листьев, ни плодов оно не принесло.

Я, как светящийся жучок, взлетел. А в блеске дня
Ни прежнего свеченья нет, ни крыльев у меня.

Мне сердце преградило путь, дух на дороге стал
А иначе на небесах звездой бы я блистал.

Где ни пойду — судьба с мечом везде мне предстает
И гневно смотрит на меня, и казнь мне грозит.

Зачем же с гневной судьбой в напрасный спор вступать?
Нет, был я должен в путь пойти и друга отыскать.

Здесь царство низменных людей, от них я отвращусь,
Уйду, и в радостной иной стране я поселюсь.

Здесь стрелы бедствий на меня летят со всех сторон.
Найду я потаенный кров, спасусь — уединен.

Мой день — как сон. Зато в ночи я не сомкну очей.
Легки и кратки будут сны моих живых ночей.

Я весь в печаль моих ночей душою погружусь.
Я буду ждать. Хоть, может быть, я утра не дождусь.

Как я слышал, удача спит ослиным крепким сном.
Пусть даже так, но не пойду за этим я ослом.

И пусть покроюсь я броней, как твердым льдом вода,
Надежду на победу я утратил навсегда.

И пусть одеждой глаз сплошных я буду пламенеть,
То и тогда на этот мир я не смогу смотреть.

Зимой, как жарким летним днем, мне тело зной палит.
Я лихорадкой истомлен, от вздохов грудь горит.

Пустая скатерть на столе раскрыта у меня.
И нет припасов в кладовой. На кухне нет огня.

И утром оседлать коня мне слуги не спешат,
И у соседа в путь коня беру я напрокат.

Нет у меня ни скакуна, ни стойла для него.
И недоклечусь я давно нукера своего.

Соломе стал подобен я, таюсь в углу, как тень,
И на лепешку мне идет размолотый ячмень.

Судьба мне — кровля, а постель мне — пол мой земляной
Мои же слезы — для питья источник вечный мой.

Когда миную я Табриз, в Ахбар⁶ пойду скорей.
А из Ахбара налегке отправлюсь в город Рей⁷.

Глядит на Рей и на Табриз небесный Скорпион.
Но я надеюсь, что вреда не причинит мне он.

Как Муштари⁸, под знаком Рыб⁹ раскину я свой стан
И отдыхать остановлюсь в созвездье Саратан.

Как море Южное — Ирак. И я в Ирак пойду,
Но я жемчужину мою едва ли там найду.

Как перламутр на берегу, извергнутый волной,
Я потеряю суть свою и блеск утрачу свой.

Что мне иракский перламутр — его цветной наряд?
Меня зубастые его акулы не страшат!

Уединением своим, свободой счастлив я.
Два эти блага, наконец, дала мне жизнь моя.

Я перлы слов своих к чужим не понесу дверям,
Неверным и бездонным их не вверю я морям.

Я образцом себе возьму летящую звезду.
Ни за одним султаном я и шахом не пойду.

К великим, к власть имущим в дверь не буду я стучать.
Тебе ли, Хагани, от них, подачки жалкой ждать!

1.

Ты сам — жемчужина вселенной, как водолаз, нырнул
в пучину,
И сколько дал бесценных перлов тебе за подвиг океан!

Хоть Хагани и запечатал своей сокровищницы двери,
Твой могучий светлый разум расколдовал мой талисман.

Я поражен: ты бросил камни, играя в нарды вдохновенья
Пятеркою твоей пятерке был выигрыш судьбою дан*.

2.

В день отъезда когда, наконец, я простился с Шарваном,
Как ни странно — я плакал. Уехал я, полн сожаленья.

И тоскуя в разлуке, я встретился с быстрым Араксом,
И Аракс мне шумел, будто понял мои он мученья.

Бушевал он, подобно реке моих бурных страданий,
И кипение волн, словно мук моих было кипенье.

3.

Когда я пришел в благодатные земли армян,
Добро и приветливость в каждом увидел я взоре.

* Предполагается, что эта кыта посвящена Низами и что в ней содержится намек на «Пятерицу» (пять поэм) Низами.

В особенности — у соседей моих христиан...
«Второй он Иса!» — я ловил о себе в разговоре.

Считали, что я к ним с четвертого неба пришел,
Внимали стихам моим, тонкость являя в разборе.

И морем назвали они вдохновенное мое,
Твердили, что в нем потонуло б Арджишское море*.

О друг, не дивись, коль от сладости песен моих
Арджишская горькая соль будет сладкою вскоре.

4.

Дворцы царей подобны морю; нет в этом море перламутра,
Но стаями акул теснится там лизоблюдов жадный сброд.

И муж разумный, муж познания корабль духовного
богатства,
Ища удачи, в это море наврное не поведет.

Жемчужины живого чувства в нем не найдешь ценою
жизни.
Лишь сплетен и превратных мнений кружится там
водоворот.

А сердцу, любящему правду, — пусть покровительствует
разум.
Он верный путь добру проложит и шею жадности свернет.

Довольствуйся уединеньем, покоем и лепешкой хлеба,
И не ищи у царских тронов чинов, отличий и щедрот.

5.

О Хагани, удались от служения шахам
Чтоб в стороне от грызни их позорной остаться.

Полно, как чаша, блистать на пирах у султанов;
Будет душа твоя кровью потом обливаться.

* Арджишское море — озеро Ван.

Шахи — не солнце. Зачем, подходя к ним луною,
То вырастать, то идти на ущерб, истребляться?

Иль за полсуток, подобно созвездью Девы,
То унижаться, а примут — опять возвышаться.

6.

Спросил меня ты: «Я люблю ли шахов?»
Я не люблю ни шахов, ни царей.

Шах запретил мне в Хорасан поехать,
Тюрьмой моей хотел он сделать Рей.

Но все же надо мной он был не властен, —
Правитель должен различать людей.

Я отправляюсь в Хорасан к ученым,
Мне дела нет до тамошних властей!

7.

Сказали как-то: «Что, мол, Хагани
Быть недостойн при дворе султана».

Сказали правду — водоносом див
Неподходящим был для Сулеймана.

Султан ничтожен — недостойн он
Души моей широкой океана.

8.

Мне халиф говорит: «Если будешь ты мой секретарь,
Я тебя одарю, дам большое тебе повышение».

Правда, я секретарь, — бесподобен мой почерк и слог,
Все же я не намерен такое принять приглашенье.

Невеликая честь — секретарствовать мне у тебя!
Даже место везира не цель моего вожденья!

Мудрый дядя мой вел к совершенству меня,
Им даны мне познания, гордость, свобода.

Умирая сказал он: «Ты будешь у нас
Образцом превосходства и славы народа!»

17.

Я боюсь — если сильно тебя пожелаю —
Разнесется молва в этом мире пространном...
О возлюбленная! Я дошел бы до бога,
Если б косы твои мне служили арканом!

18.

На свете преданность ценнее и реже всех земных
И сердце верное труднее найти, чем камень — эликсир.

Подобно имени Симурга, названье «друг» — один лишь
Но легче отыскать Симурга, чем друга, хоть пройди весь
мир.

19.

Моя поэзия и проза прославлены во всей вселенной,
Из уст чужих свои касиды услышал я в краю чужом.

Мои слова бегут, как воды, а мысли в них огнем
Скажи, кто в мире видел воду, соединенную с огнем?

Я из огня Мусы живого беру живую воду Хызра;
Не чудо ль, что вода и пламень живут в явлении одном!

Ни злобы низкой, ни расчета, нет в этих двух моих
Равно, писал ли я фарсидским или арабским языком.

20.

Все дано тебе: молодость-свежесть, достаток, свобода.
Ведь для счастья на свете достаточно трех этих сил.

200

Хагани! Не ропщи! Три дано тебе истинных дара,
Вместе все — эликсир, вместе — мало кто их находил.

21.

Встречая подлинных и подлых людей, я пробе подвергаю
Их всех на пробном камне чести; так высший долг мой
мне велит.

А я в судьбе своей от подлых и низких духом независим,
Моя судьба непоколебимо скалой испытанной стоит.

Тот, кто умом и сердцем низок — к благодеянию
Но человек великодушный другому зла не причинит.

22.

Небольшое богатство — покой. А в богатстве большом —
Это значит — в погоне за золотом мудрый не сгубит свой
век.

Ведь богатство, подобно вину, веселит, если пить
А от пьянства и самый разумный теряет свой ум человек.

23.

Зачем, о друг, стремясь за страстью, ты сокращаешь
Судьба заботится об этом, твой век вседневно сокращая!

Жизнь у тебя — одна всего лишь, но двое отнимают
Одна — твоя любовь шальная, а грозная судьба — другая.

24.

Хагани! Как врагов, опасайся советчиков скверных!
Коль советчик дурной, и тропа твоя будет кривой.

Если низкий тебе направление верно укажет,
Унизительно это. Стыдись ты услуги такой!

201

От общения с низкими мысли становятся низки.
Скверных дел своих словом хорошим не скрасит дурной.

Дружба с низким унижит. Ты видишь, как золото в колбе
Яркий блеск под влиянием ртути утратило свой?

Но хоть золото и побелело от действия ртути,
Возродится оно, переплаваясь в печи огневой!

25.

Ты говоришь. «Душа не элемент, а сплав...»
Но чистой совестью должны мы обладать.

Бывают случаи, что спорящий глупец
Тебя, ученого, заставит замолчать.

И это — странность свойств в строении естества, —
Ведь можно и алмаз куском свинца сломать.

26.

Видел я, как глупец бессердечно цыпленка гонял,
Говоря, что цыпленка без муки убить он желает.

Как похож человеческий род на цыпленка того,
И не также ли без передышки судьба нас гоняет?

27.

Клянусь справедливым аллахом. зиждителем мира,
И всей беспредельностью блага, вместившейся в нем:

Глава всех ученых мужей, Хагани, превосходит
Сто тысяч хаканов достоинством, честью, умом!

Сказать не могу, что мыслитель, поэт и ученый
Пьет хызрову воду живую своим черпаком.

Живая вода, чтоб служить Хагани на потребу,
Сама поливает Ширванскую землю дождем.

28.

Коль не было бы, у Фархада в любви к Ширин забвенья
Всем на показ изображение ее он делать бы не стал.
Чести,

Честь позабыл он, а иначе Ширин не изваял бы в камне;
Подобно мне, любимый образ в душе б своей он изваял.

29.

О утро, поведай мне о той золотой луне,
Дыханье амбровых кос мне издали навевай!

О призрак друга живой, всегда витай предо мной,
В зеленых даях души мне пастбища открывай!

О как многословен ты порою, друг Хагани,
Ту душу другу яви, сказанье обрывай!

30.

Пожалуй, ты прав, ты плачешь теперь, Хагани, —
Где толпы друзей твоих? Как одинок ты и сир!

Вот: неисчислимы враги у тебя. А друзей
Трудней отыскать, чем великий найти эликсир.

31.

Хагани, ты унижен дарами владельцев сих,
Даже хлеба куска ты у них не бери никогда.

И бальзама от раны душевной у них не проси,
Если худшего ране своей ты не хочешь вреда.

Если чаша разбилась, тогда лишь оценят ее:
— «Что утратили мы!» — восклицаний пойдет череда.

Посмотри на верблюда, что с согнутой шеей идет —
Груз верблюда — цена его крови и мук, и труда.

Если б шея его превратилась в мешок золотой,
Что за польза верблюду? — Была б ему пуще беда.

Жил я в городе Рее, уехать решил в Хорасан,
В ту дорогу желанье души увлекало меня.

Но правитель упрямылся, мне он уехать мешал,
Самовластие к месту тогда приковало меня.

Он мне зло причинил, помешал он полезным делам;
Как его самодурство тогда угнетало меня!

Был бы гневом моим заклеимен этот Джалаладдин,
Уважение к сыну его удержало меня.

33.

Нет у меня самых нужных для жизни вещей,
И не обрел я того, чего сердцем желал.

Думал я прежде: «Все будет! Надейся, терпи!...»
Но ничего не дождался я, сколько ни ждал.

Помощи я у небесных просил облаков, —
Гром мне ударил в ответ и перун засверкал.

Коль потрясти мой подол, то оттуда моя
Печень посыплется, денег же я не собрал.

Кажется гнать по пятам меня злая судьба
Не перестанет, пока я без сил не упал.

Кровью я плакал. От слез моих красен бурнус.
Но от друзей я участия в беде не видал.

О Хагани! Неужели твоей огненный стон
Дряхлых устоев судьбы еще не расшатал!

34.

Хагани удалился в отрадное уединенье.
Здесь мне лучше, чем в царстве, где властвует пышный
хақан.

Мне умеренность — пища теперь, бережливость —
напиток;
Словно Хызрова влага, она наполняет стакан.

Сердце больше не мучит забота о хлебе насущном.
Я свободен от мира, где властвуют зло и обман.

Люди стонут и страждут в труде, чтобы день
прокормиться.
Получают же крохи, как шахский предпишет фирман.

Ни из чьей я руки не беру ни даров, ни подачек.
Я, как птица, кормлюсь от рассыпанных богом семян.

Сулейман муравью отказал в пропитании скудном,
В пропитании, видно, нуждается сам Сулейман.

35.

О Хагани! Пусть ты величем затмишь Бахмана и
Джамшида, —
Величие, как жизнь, мгновенно, и ты величем не
гордись.

Ведь сотни, тысячи Бахманов пришли в сей мир, ушли
бесследно,
Однако — мир стоит, как прежде, и та ж над ним
кружится высь.

Все истребляется и только неистребима плесень мира,
Как прежде все: стеная, живущий, и под ярмом судьбины
гнись!

Века идут, а улучшения и перемен не происходит,
И те же над землей созвездья, что в небе некогда
зажались.

Уйдем мы; многие другие придут, уйдут вослед за нами,
Но кто сказать посмеет небу и времени: «Остановись!»

Нет, видно нужен гнев господень и сура вздох, чтобы
явлений
Расторгся тесный круг и узы земной неволи порвались.

О Хагани! Ты дирхем подаешь бедняку,
Вечного рая от бога взамен ожидая.

Великодушья такого стыдись, о ходжа!
Знай: лицемерие низкое — щедрость такая.

Можно ль даяние великодушьем назвать,
Если гроши отдаешь ты, а требуешь рая?

Людам даешь, а у бога ты просишь вдвойне, —
Это грабительство! Где твоя совесть живая?

Знай — настоящее великодушие в том,
Чтобы награды не ждать, все, что есть, отдавая.

37.

Меня хахан питает. Хагани
Всю меру щедрости хакана знает.

Его я сердце знаю. Он меня,
Как древле Мухаммед Хасана, знает.

Я в мире слов державы смысла царь.
Он — суть речный без изъяна знает.

Насколько чисто золото кольца
Лишь пробный камень без обмана знает.

Знать свойство слова умному дано,
Так чачский лук стрелок Турана знает.

38.

Не позорь Хагани, ибо вред, причиненный ему,
Обесчестит тебя и лишит тебя жизни святой!

Ветку жизни своей тот ломает и добрых плодов
Не увидит, кто низко смеется над честью чужой.

Кто достойному зло причиняет в безумьи своем,
Вряд ли знает, что зло совершает он сам над собой.

Кто святыню чужую бесстыдно решит осквернить,
Сам себя обрекает бесчестьем и гибели злой.

Кто унизит почтенного, скоро унижится сам,
И презренный — раздавлен, как червь, будет вражьей
пятой

Кто, озлобясь, на доброго глазом дурным поглядит —
Сглазит сам он себя и поникнет, наказан судьбой.

Шах Парвиз с небреженьем письмо Мустафы разорвал
И за это во сне был Шапура убит он рукой.

39.

В сущности мира сего справедливости нет.
Истинной правды закон — не для смертного он.

Горя не знает на этой земле человек,
Если он умер, и тот — кто еще не рожден.

Беды, как волны морские. Не ведают их
Тот, кто навеки от мира сего уведен.

Тот, кто из чаши столетия этого пил,
Знал ли, что влагой отравленной он упоен?

Может ли мир наш от бедствий тебя уберечь
Если он вечными бурями сам возмущен!

Небо — грабитель, что роет под нами подкоч,
Не потому ли согнулся в дугу небосклон?

В этой юдоли покоя себе не ищи,
Сладостный мир на земле никому не сужден.

Рану, тебе нанесенную, молча терпи,
Раненный миром от века бальзама лишен.

На одеяние синего неба взгляни. —
Смерти обитель сей мир и в печаль облачен.

О Хагани, обольщеньям земли не внемли!
Все здесь неверно, и здесь беззаконье — закон!

40.

О Хагани, ты сокровищ земных не ищи!
Вся эта жизнь, может быть, лишь неделя одна.

Золото — светлый твой день, серебро твое — ночь,
В них — все богатство и вся твоя скрыта казна.

И хоть колосья судьба высоко подняла
Мало в колосьях ее налитого зерна.

Если ты беден и роскошью не окружен,
Щедрость ума твоего никому не нужна.

Эта земля — беспощадный и грозный палач,
Все, что рождает, сама истребляет она.

Плеелся козленок за мальчиком, несшим изюм,
Знал ли козленок, что участь его решена?

Был он, как помните, мальчиком этим убит.
Из-за изюма была ему смерть суждена.

41.

В этом мире скорбей, если ранен ты в сердце судьбой,
Утешителя-друга труднее найти, чем бальзам.

Раны свежие сердца не лучше ль засыпать землей,
Чем лекарства искать, доверять свои муки врачам?

Песню вздохов последних летящему ветру отдай,
Коль нельзя ее верным и любящим вверить рукам.

Колос верности сердца на ниве вселенной увял,
Сев надежды погиб, обжигающим предан лучам.

Упования ниву полуденный зной иссушил,
Никогда не пролиться над ней благодатным дождям.

Коль живешь ты в довольстве, то много друзей у тебя,
Но напрасно в беде обращаться к подобным друзьям.

Если другу такому расскажешь о горе своем,
Молвит: «Бог милосерден! Терпи! Так завещано нам!»

Разве ты человека свободного в мире встречал?
Я такого не ведаю. Все вы подобны рабам.

У народа в году есть два праздника. Но присмотрись —
И название праздника вряд ли ты дашь этим дням!

Потому, что такого и праздника нет на земле,
Где бы не было места скорбям, и слезам, и смертям.

Хагани, подымись и от скатерти мира уйди!
Пир невесел. Угрюмый хозяин неласков к гостям.

РУБАЙИ

1.

Моя любовь мне муки причиняет.
Она моим мольбам не внимает.
Источник всех моих мучений в том,
Что о любви моей она не знает.

2.

Эта низость и злость клеветы и вражды
Тяжелее гонений и горше беды.
Тяжелее их — вечная с милой разлука,
А, большее всего — унижение нужды.

3.

В чем держится душа моя живая?
Меня судьба терзает — ведьма злая.
И пища, что она готовит мне,
То — несоленая, то — соль сплошная.

4.

Кравчий! Чашу мне не наливай до полна!
Не вернется увядшая жизни весна.
Мало, много ли ты мне нальешь — безразлично, —
Камень горя не сдвинешь потоком вина!

5.

Дым горящих стенаний моих — небосвода одежды,
От бессонных мучений в ночах не смыкаю я вежды,
В тупаях жизни колючки бесстыдно мне ноги язвят.
И разбито о камень стекло моей хрупкой надежды.

6.

Пусть беспомощным и одиноким, как я, не очутишься ты
в пути!
Пусть ярма таких унижений и мук не придется тебе нести!
Я разлукой с возлюбленной изнурен, я на встречу надежды
лишен.
Пусть никто не болеет сердцем, как я, на земле, где врача
не найти!

7.

Если хочешь, чтоб имя стояло твое высоко,
Скромен будь, людям сердце свое открывай широко,
С бедняками дружи, беседуй с простыми людьми,
И пойдет твоя добрая слава средь них далеко.

8.

Я Меджнун, мой печальный удел — тосковать.
Кто бальзам от безумия может мне дать?
Ухожу я в пустыню — к джейранам и львам,
Не удастся вам в цепи меня заковать!

9.

О ты, превратившая сердце в обитель печали!
Цветет твоя лилия в сердце, где розы пылали.
С тех пор, как горящее горе со мной породнилось,
Со старою скорбью врагами мы кровными стали.

10.

Кровью душа залита, я из легких огонь извергаю.
Огненно-красным вином я чашу свою наполняю.

214

Кровь огневая — вино. Глотаю я кровь и огонь,
Кровь проливаю на кровь, огонь на огонь рассыпаю.

11.

Если хочешь, чтоб сердце светлее, чем зеркало, стало —
Десять гнусных пороков из сердца ты выбрось сначала:
Подлость, корыстолюбие, злобную зависть, гневливость,
Склонность к низким подвохам, влеченье к запретному,
Лживость,
Лицемерие, темную к ближним вражду и хвастливость.

12.

Хагани! Если честь и добро тебе выше всего,
Никого не ударишь ты, не оскорбишь никого.
Ведь достоинством всякий человек обладает,
И пощечина хуже, чем сабли удар, для него.

13.

Причиняешь душе моей ты лишь страданья,
Мне на сердце легла вся печаль мирозданья.
У дверей твоих я схороню свою душу,
Пусть к тебе долетит ее благоуханье!

14.

Вечно облик твой в сердце моем и во взоре,
Твое имя звучит мне немолчно, как море.
И прислушался всем существом я, едва
Твое имя услышал в чужом разговоре.

15.

В тот миг, как тело мотылька с огнем соединилось,
И сердце темное свечи огнем воспламенилось.
На трепетном огне свечи сгорает мотылек,
И вместе с ним она сгореть навеки согласилась.

16.

Печальную душу мою в свои руки прими,
Добычу, тобою подстрелянную, подыми!

215

Я — грешный твой раб Хагани. Я навек тебе предан.
Оставь ему жизнь, или вовсе ее отними!

17.

Ушла. Унесла мою душу. Проходит за часом час
Прислушиваются уши и смотрят зеницы глаз.
Глаза у ушей вопрошают: «Вы слышали что-нибудь?»
А уши у глаз вопрошают: «Не видели ль еще раз?»

18.

Не будь себялюбцем презренным, а пусть тебя любят
другие.
Всем делай добро, и не будут ущербом убытки такие.
Зачем тебе пышность одежды? Будь щедрым, нагим,
словно пальма,
Что к небу подымлет главу, где сияют лучи огневые!

19.

Если хочешь меня умертвить, то скажи мне, —
Смерть я радостно встречу, поверь! Но внемли мне! —
Поцелуем сперва опьяни мою душу.
После — в сердце, как стрелы, ресницы вонзи мне!

20.

Я на небе поэзии солнце сегодняшних дней.
Никому из певцов высоты не достигнуть моей.
Это солнце зовется султаном семи поясов,
Но оно — лишь слуга моих песен — вселенной моей.

21.

С душою преданной в тысячелетье раз
Родится человек, — таков преданий глас.
Один, наверно, был, когда мы не родились,
Другой появится, когда не будет нас.

22.

Ты всегда Хагани упрекаешь, всегда озлоблен!
На меня нападаешь, язвишь меня, как скорпион!

216

Мое сердце на двести кусков разорвалось от горя,
Но тобой еще новый огонь в этом сердце зажжен.

23.

Цветники озаряются блеском зажженных свечей,
Фонарями тюльпанов пылают просторы степей,
И на склоне зари, от улыбки моей солнцеликой
У меня засияли лампы потухших очей.

24.

Ты каждый день неутомимо причуды новые являешь;
Одежду моего терпенья ты на кусочки разрываешь!
Нет верности в тебе ни капли. Бездушная, оставь меня!
Я испытал тебя. Я знаю тебя, как ты себя не знаешь.

25.

Жизнь моя в праздности, без утешенья прошла.
Рушатся все мои замыслы, гибнут дела.
О если б ты меня в деле моем поддержала!
О если б сердцу ты новую жизнь принесла!

26.

Сегодня ты в душе моей гостишь,
В чертоге сердца царственно сидишь.
Я за тебя умру. Ты причинила
Мне горе и его ты исцелишь.

27.

О вспомни меня среди блеска, широв и вина —
И будет опять душа моя света полна!
А если ты мне справедливость явишь свою,
От горя навек свободна будет она.

28.

О небо! Настигни возлюбленную в пути.
Утешь, убеди ее, вновь ее мне вероти!

217

О горе души моей правду ей всю расскажи.
Беги, торопись, чтоб ответ мне скорей принести!

29.

От ожидания вестей от тебя, я чуткий свой слух потерял.
От ожидания свиданья с тобой свет моих глаз пропал.
Нрава не понял я твоего, душой истомился я.
Гибнет надежда моя, но тебя ждать я не перестал.

30.

Все птицы улетели. Жалкий вид
У клетки, что над родником висит!
Был Гамаюн в той клетке — Хагани,
Он больше в клетку ту не прилетит.

31.

От этой гурни прекрасной без ума —
Не полюблю другой, хоть здесь красавиц тьма.
Клевать по зернышку, как воробей, не буду.
Когда она сама зовет меня «Хума».

32.

Я мучусь в разлуке с тобой, хоть причуды сугубы твои,
Но снова и смех, и улыбки, и шутки мне любви твои.
И руки и губы твои мне подносят вино золотое,
Как перлами полный ларец уста мне и губы твои.

33.

Ты низкими друзьями взят в полон,
Но разве дружба с низкими — закон?
Они в глаза попали, как соринка,
Промой глаза, мигай, гони их вон!

34.

Как я красавицу-грузинку полюбил,
Чтоб с ней беседовать, грузинский изучил.

218

Я столько раз сказал ей: «Моди, моди, моди!»
Что каждый волос мой со мной заговорил.

35.

Ты христианская красавица, душа в твоём сияет взоре.
О сердце чистоты неслыханной, со всякой низостью ты в
Но как же ты меня измучила! Смотри я исхудал, как ссоре.
Взываю «моди» понапрасну и таю и горю от горя. волос,

36.

Что пред тобою куропатка с своею песенкой простой?
И соловей, влюбленный в розу, не может быть сравнен
И жаворонка ты игривей, и белых горлиц говорливей, с тобой.
И птицу гордую — павлина — ты превосходишь красотой.

37.

Ветерком предвесенним повеяли светлые дали,
Но от нашей весны еще вести и не долетали.
Роза утром раскрылась, свой тесный покров сорвала,
Лишь моя розоликая прячет лицо в покрывале.

38.

В эту ночь, когда сердце мое на пиру прекрасном с тобой,
Я душой — в эдеме твоём, осененный вечной тубой*.
Вся душа моя здесь, с тобой, о позволь мне, моя душа,
Чтоб и тело мое слилось в эту ночь с моею душой.

39.

От любви к тебе и огонь сильнее горит.
Жгучий пламень твой пламя новым жаром дарит.
Тот, кто видел родинки на лице твоём,
Молвит: — «Это черный индус среди огня сидит.»

* Дерево растущее в раю.

40.

Возлюбленная причиняет мне новые мученья.
Душа моя огнем сгорает, и нет мне утешенья.
Она меня повергла в горе. И мой горячий вздох
Палящим ветром наполняет простор миротворенья.

41.

Корабль твой в море ушел под ветром на всех парусах.
Теперь беспредельная грусть, как море, в моих глазах.
Как странно расстались мы, как чудно мне это все:
Вот — ветер в моих руках, а ты — у ветра в руках.

42.

В саду моей жизни печаль вырастает одна.
Осыпались розы, в мой сад не вернется весна.
Под ветром холодным беды — на току моей жизни
Ни битой соломы, ни колоса нет, ни зерна.

43.

У безнадежно влюбленных лица желты,
Вежды в слезах, как поникшие долу цветы.
Но как судьбой озарен, как безмерно богат,
О луноликая, тот — в чьих сбъятиях ты.

44.

У Хагани глубоко в душе горе затаено,
Он исхудал, ланиты в слезах, сердце его сожжено.
Жизнью пожертвовать он готов за свиданье одно с тобой.
Тело, глаза и душа — будет все в жертву принесено.

45.

Пусть полон вздох мой мукой и огнем,
Не отзовется в сердце он чужом.
Бессмысленно, как солнце и луна,
Ночь я бессонно смешиваю с днем.

220

46.

Новым горем от старой беды мое сердце полно,
Это горе — вулкан, и огонь извергает оно.
Я пристанища сердцу ищу, но найти не могу.
Я покоя хочу — мне покой обрести не дано.

47.

Какая мощь в словах твоих блистает,
Но низкий их в игрушку превращает.
В наш век талант — певцу смертельный яд,
Не возвышает он, а унижает.

48.

О, как жаль! Мы ушли от тебя и печаль унесли!
Мы томление сердца с собой не вчера ль унесли?
Мы покинули радость, ушли от твоих мы дверей,
Сожаленья на память и скорбь свою вдалеку унесли.

49.

О Хагани! На дар свой опирайся,
Пред пышностью презренных не склоняйся!
Не будь ферзем, чтоб криво не ходить,
Будь лучше пешкой, — прямо устремляйся!

50.

Дивная сила дана моим звучным словам,
Воду в вино они, яд превращают в бальзам.
Розовым соком моих цельбоносных речений
Я от давнишних скорбей исцеление дам.

51.

Я не дикий, в тени прозябающий плод,
Солнце я, что весь мир озаряет с высот.
Мой хулитель — не женщина и не мужчина, —
В женской шади, в стыде от меня он уйдет.

221

52.

Я горем зажегся и в огне расточился,
В обители горя, во тьме я свечой засветился.
Не знал я доныне ни боли душевной, ни слез,
Но у твоего равнодушия им научился.

53.

Моя душа в твоих руках. Что с телом делать мне?
Жемчужина в твоих руках, а море в стороне.
Терпению не поручай дела моей любви!
Терпенье — слово, что мертво и пусто в глубине.

54.

Твоя краса и мудреца и простака сразит.
Твой локон амбровый толпу в безумцев превратит.
От черного огня твоих пылающих очей
Покинул келью, опьянев, Бестамский Баязид³.

55.

Нет, молодость, как небо, не горда, —
В движеньи, как огонь, она всегда.
С ней и плохое кажется хорошим,
А без нее и доброе — беда.

56.

О сколько в душе у меня и обид и скорбей,
О сколько мне послано бедствий судьбою моей.
Ты спрашиваешь, что со мной, о чем я вздыхаю? —
Что есть у меня — кроме горестных дней и ночей!

57.

В сиянии красоты твоей и ночь светлее дня.
Вот солнце говорит: «горю от твоего огня!»
Что лучезарная луна перед лицом твоим? —
Морей нехватит на земле, чтобы залить меня!

222

58.

Друг, что я от мира сего получил? — Ничего!
Взгляни, что от прошлых я дней сохранил? — Ничего!
Как чаша Джамшида весь мир я вмещал. Что ж осталось,
Когда небосвод эту чашу разбил? — Ничего.

59.

Возлюбленная ушла и разлуке меня поручила.
С приходом разлуки ознобом и жаром меня охватило.
За ней лихорадка пришла, обожгла, обметала мне губы, —
Ревнивица, — чтобы не мог целовать я уста моей милой.

60.

О Хагани! Основа жизни — горе
Жизнь и жестокость на одной опоре.
Ведь силой душу в тело заключили,
И силой удалят из тела вскоре.

61.

Не вмещается горе мое в этой злачной долине земной.
Не вмещаются вздохи мои в моей клетке стесненной
грудной.
— «Что за горе?» — спросил ты меня, Друг мой, горе мое
таково
Что горенья и жара его не вместит небосвод голубой.

62.

Ты роза, а я безумно влюбленный в тебя соловей,
Грущу без тебя и крылья увяли у песни моей.
Умолок мой язык, безмолствует сумрачный сад без тебя.
Увижусь с тобой — и песня моя разнесется звучней.

63.

О локоны милой, вы тень этой ночи сгустите!
О звезды свиданья, помедлите, не уходите!
Закройте густою завесой восток, облака!
Вы, утра лучи, задержитесь, мне милость явите!

223

64.

Ты лицом, как луна, кипарису подобен твой стан,
И молва о тебе донеслась до неведомых стран.
Пожелтевшее солнце свой свет у тебя занимает.
О небесная гурья! Рай твой — печальный Ширван!

65.

О шахиня красавиц, я раб твой, я изнемогаю.
Ты беспечно смеешься, не ведая, как я страдаю.
Я, как пыль пред тобой; ты же ветер широких степей —
Ты дохнешь — и, как облако пыли, я вдаль улетаю.

66.

Хагани! С этой улицы зла поскорей уходи!
Горе темное брось и — веселый — смелей уходи!
Здесь душою тебя, словно цепью, судьба оковала.
Брось ей цепь! И на волю, как ветер степей, уходи!

67.

И я, в дни юности, в огонь любви бросался...
И вот достиг того, чего я домогался:
Огонь потух, а я сгорел, как мотылек,
И пепел лишь от всех моих надежд остался.

68.

Где тот яд, что страданья души исцелит?
Где кинжал, что мученья мои прекратит?
Где удар, что сразит меня волею неба?
Смерть приму я, как верным принять надлежит!

69.

Любимая на корабле, а я на суше, я в беде.
От горя качка у меня, и нет мне пристани нигде.
О ветер, радостную весть примчи мне от моей любви,
Чтоб к цели доброй, как корабль, пошел по кормчей я
звезде.

70.

Хагани! Ты покоя себе не найдешь никогда!
Бесполезно бороться с судьбой, смирись навсегда.
Этот мир не достался навек ни Даре, ни Джамшиду, —
Если он и тебе не достался — какая беда?

71.

В огне печали Хагани истлел,
Терпенью сердца наступил предел.
Как мотылек в саду свечу увидел,
На пламя налетел и обгорел.

72.

Вновь цветами сады украшает весна, —
О пришли же мне с утренним ветром вина!
Я из уст твоих выпью вино золотое,
Пусть душа моя будет, как чаша, полна!

73.

Нас сглазили. Судьба со счастьем в споре.
О милая, вражда вокруг, как море!
Умолк наш сладкий разговор любви,
Но знаем мы о тайном нашем горе.

74.

Ты горишь, как Парвин⁴, в небесах красоты.
Кроме родинок нет на тебе черноты.
Но души моей цвет нераскрытым остался,
На меня даже мельком не глянула ты.

* * *

**КОММЕНТАРИИ
И
ПРИМЕЧАНИЯ**

ПОДАРОК ДВУХ ИРАКОВ

Обращение к солнцу и порицание золота

- 1.2 **Зар и Азар.** Игра слов. На персидском языке зер, зар — золото, азер — огонь. Следовательно, с добавлением только одной буквы «а» золото превращается в огонь.
- 3 **Зардушт (Заратуштра)** — основоположник огнепоклонничества. Хагани имеет в виду, что имя Зардушта также начинается «зар'ом», т. е. золотом, а потому огнепоклонники так жадны к деньгам.
- 4 Согласно религиозной легенде пророк Ибрагим Хамлаулах (до обоснования религии ислама Мухаммедом) разбил идолов, находящихся в городе Мекке (священное место, где находится могила Мухаммеда). Царь идолопоклонников Нимрод за такое действие приказал сжечь заживо Ибрагима Хамлаулаха, но огонь превратился в цветник. Поскольку имя Хагани тоже Ибрагим, то он уподобляет себя пророку Ибрагиму Хамлаулаху.
- 2 **Шестиголовый сей.** Имеется в виду мир: шесть голов, т. е. шесть сторон — правая, левая, перед, зад, верх, низ.
- 6 **Семиглавый змей** (в оригинале дракон) — по средневековым научным представлениям семь слоев земли. В данном случае Хагани хочет сказать, что людей, увлеченных мирскими благами и забывших о потустороннем мире, земля поглощает как дракон.
- 7 **Шарван** означает Ширван — область, откуда происходил Хагани. Чтобы выразить свое недовольство произволом придворной знати, Хагани вместо Ширван пишет Шарван. Первый слог «шар» — означает зло. Поэт хочет сказать, что Ширван это то место, где царит зло.
- 8 **В гортани жар фарсидского огня,
В груди книжал индийский у меня.**

В этом двустишии «фарсидский язык» означает огнепоклонничество. Поэт хочет сказать, что из его груди выходят огненные вздохи. «Книжал индийский» означает черное горе, режущее как книжал.

Мим — название буквы «м» в арабском алфавите.

Дева — созвездие Девы.

Подробности путешествия

1 Город Зла — название, данное Хагани Ширвану.

2 Сафид Руд — название реки в Иране.

3 Кухистая — название местности на юге Хорасана.

4 Эликспир — философский камень средневековых алхимиков.

5 Тутия — мазь, употребляемая для лечения глаз.

6 Хузистан — название местности на юго-западе Ирана.

И мне четыре выпало адвойне,
И к счастью эта встреча стала мне.

В этом двустишии Хагани имеет в виду игру в нарды. Поэт хочет сказать о везении, т. е. зари (костишки), выпавшие дважды по четыре (самое большое очко в начале игры), несущие победу.

Встреча и беседы с Джемаледдином Мосульским

1 Джемаледдин Мосульский — везир иракского халифа, современник Хагани

2 Песнь Забура. Речь идет о песнях пророка Давуда, который, по преданию, имел прекрасный голос и выражал свою печаль в трогательных песнях.

3 Пророк Халла. Имеется в виду отец пророка Ибрагима Халил-уллаха (см. выше).

4 Как сына, богу в жертву приношу
Во-первых, поэт уподобляет себя пророку Ибрагиму, который, по религиозному преданию, принес богу в жертву своего сына Исмаила. А, во-вторых, в прямом смысле поэт хочет сказать, что свои стихи (свое детище) принес в жертву Джемаледдину.

5 Там для штыя негодны воды рек
Поэт хочет сказать, что в Ширване царят бедствия и тяжелая жизнь.

6 Канаа — название местности в Ираке. Здесь идет речь об известной легенде об Иосифе Прекрасном. По преданию, в это время в Канане свирепствовал голод, а в Египте — изобилие.

7 Ты, как павани, расхвастался, а он,
Взглянув на ноги, замолчит, смущен.
Имеется в виду красота павлиньих перьев и безобразность его ног. Отсюда и известная поговорка: павлин, смотря на свои перья, гордится, а взглянув на свои ноги — стыдится.

8 Немою рыба рождена в морях,
А место ей нашлось на небесах.

Здесь идет речь о созвездии Рыбы (по-арабски «Хут»).

9 Аджам — всех народов Ближнего Востока неарабского происхождения арабы называли аджамами.

20 Джамшид — легендарный древнеперсидский царь; якобы и своей таинственной чаше — джам, он мог видеть весь мир. Часто сокращенно пишут только первый слог — Джам.

21 Ахриман — бог зла в зороастрийской религии, противостоящий богу добра Ахурамазду.

22 Под «семи вселенной полюсов» подразумевается весь мир. В средневековом Востоке весь земной шар астрологами был разделен на семь иглимов (канматов).

23 Шербет — сладкий прохладительный напиток.

24 Сад-акбар — планета Юпитер.

25 Хызр — согласно легенде, вечно живущий пророк, который, выпив живительную воду, стал бессмертным. В восточной поэзии и фольклоре спаситель от бедствий.

26 Яджудж — гоги (маджудж — магоги) — злые духи.

27 Джиа — злой дух, бес, демон.

28 Дух алчности меня к Тагану гнал,
Дух жадности к Сабуктекину звал.

Таган — имя одного из сельджуков, отец Султана Санджара. Известный поэт Захир Фарйби служил при дворе у Таган-шаха. Сабуктеки — основоположник Газневидского государства. Сперва был наместником Хорасана от саманидов, а потом перешел на сторону Газны и объявил себя самостоятельным правителем. В вышеуказанном двустишии Хагани проводит аналогию с этим событием.

О врагах

1 Мулхуд — человек, отошедший от религии ислама, безбожник.

2 Аламут — название крепости ассасинов — между Газнином и Гиляном. Ассасины из этой крепости угрожали как халифату, так и другим владениям Востока. Одновременно это слово означает «смерть» — от арабского слова ал-морт. Поэт этим желает смерти своим противникам.

3.4 Аалф, нун, даа — буквы арабского алфавита. Аалф пишется прямым (ا), даа и нун кривыми (د), (ن).

5 Куфа — название города в Ираке. Жители Куфы на Востоке в древности считались вероломными, ибо по преданию они отступили от своих обещаний помочь Иمامу Гусейну (сыну Али) против Омайядов.

6 Разумный только правды слово чтит,
Он амбру от соломы отличит.

Амбра схожа с соломой. Иногда продавцы амбры примешивали туда солому в целях наживы. Хагани хочет сказать, что проразумные люди могут, как амбру от соломы, различить хороший и плохой стих.

О своем дяде-ткаче

1 Ясин — одна из основных сур корана.

2 Три Сестры — созвездие Девы.

Об отце-плотнике Али

- 1 Туба — мифическое дерево, якобы, растущее в раю.
- 2 Ормузд (или Хормуз) — один из сасанидских царей, а также бог благотворительности в зороастрийской религии — Ахурамазда.
- 3 Шарван — как было сказано выше, означает страну зла. Так поэт называл Ширван, где свирепствовали произвол и несправедливость феодальных властей. Для игры слов поэт сопоставляет Шарван и Хейрван, означающий страну добра. Хагани хочет сказать, что пока он живет в Ширване, последний превращается в Хейрван, т. е. страну добра.

О дяде-враче

- 1 Ковсар — по религиозным легендам река в раю.
- 2 Раф-раф — небесное богатство.

Жалоба на свое положение

- 1 Новруз — персидское словосочетание: нов — новый, руз — день — новый день. Новруз — первый день весны, традиционный праздник нового года на Востоке по летончислению Шамаи (т. е. солнечный).

Юсуф от братьев много перенес, Из-за друзей я больше пролил слез.

Имеется в виду Иосиф Прекрасный, сын пророка Якуба. Как известно, Иосифа отец любил больше других сыновей. Братья из зависти хотели убить его и причинили ему бесконечные мучения.

ФАХРИЯ

- 1 Фохрия — стихотворение, в котором поэт восхваляет свой талант и мастерство.
- 2 Санаи (1048—1141) — известный суфийский поэт XI в. из Газны. В первые годы своего творчества Хагани писал стихи под его влиянием и даже носил псевдоним Хагани (человек истины) в знак своей близости к идеям Санаи, воспетым им в его произведении «Хадигатул-Хагани» («Сад истины»). Поэт хочет сказать в этом двустишии, что Санаи умер в Газне, а в Ширване родился Хагани.
- 3 Третьим и пятым икнимом (каиматом) называет Хагани Газну и Ширван.
- 4 Султан Махмуд — знаменитый царь газнавидов. Он же является родоначальником новой династии Сельджукидов.
- 6 Бахман — легендарный царь древнего Ирана из династии Ксаянидов.
- 7 Искендер Румийский — Александр Македонский.
- 8 Когда над Египтом умолк справедливый Юсуф,
В потоке Мусу фараопова дочка паша.
В этом двустишии поэт намекает на следующий мифологический эпизод: после справедливого Иосифа в Египте правителем был

Фараон — известный своим деспотизмом и злодеяниями. Астрологи ему предсказали, что из племени бени-Исраил выдвинется юноша, который убьет Фараона и захватит его трон. Поэтому по приказу Фараона уничтожались все новорожденные мальчики. Чтобы спасти своего сына, когда родился Муса (Моисей), мать положила его в сундук и бросила в реку Нил. Впоследствии осуществилось то, что предсказывали астрологи. Хагани хочет сказать, что невозможно избежать бедствия и катастрофы в его время.

- 9 Абу-Ханифа — крупнейший ученый исламского религиозного законодательства, основоположник секты ханафитов. Жил в первой половине VIII в. Шафеи — ученый-теолог ислама, основоположник секты шафитов, был также поэтом. По преданию, Шафеи родился на утро той ночи, когда скончался Абу-Ханифа. Смысл двустишия, и вообще данного стихотворения, таков: в мире всегда один (поэт, пророк или ученый) заменяет другого, причем, последующие более совершенны.
- 10 Шахтуган — имеется в виду Атабек Мухаммед ибн Элдекез — правитель Южного Азербайджана того времени.
- 11 Хассан-Сабит — известный арабский поэт VII в., современник пророка Мухаммеда. Писал едкие сатиры против врагов пророка и в своих стихотворениях похвалял его.
- 12 Сухбан Валия — известный писатель и оратор, современник Халифа Харун-Аррашида (786—809). Он славился изяществом и красотой языка, а также стилем своих произведений.
- 13 Бурак — название религиозно-мифологического кося пророка Мухаммеда, на котором, якобы, он вознесся к богу.
- 14 Братья чистоты («Ихванус-Сафа») — общество, возникшее и широко распространенное после IX в. в странах Ближнего Востока. Философы, писатели и ученые, принадлежавшие к этому обществу, утверждали прогрессивные идеи, много проповедовали материалистические взгляды и богоульство, за что Хагани отрицательно относился к ним.
- 15 Сухейль — мусульманское название звезды Канопус, которой средневековая астрология приписывала благотворное влияние.
- 16 Ад — наименование арабского племени, отрицавшего Мухаммеда как пророка.

МАДХИЯ

Восхваление царей и современников

- 1 Мадхия — панегирическое стихотворение.
- 2 Калам — арабское слово, означающее тростник, одновременно — ручка для письма.
- 3 Гольшакар — восточная сладость — сухое розовое варенье на сахаре.
- 4 Нун и Каф — по-арабски буква «н» (ن) называется «нун», а «к» (ك) — каф. По религиозно-мифическому преданию, когда бог сотворил мир, воскликнул: «кун» (كن) т. е. будь, и мир сотворился. Это слово состоит из букв «к» и «н», на что поэт и намекает.

- 5 **Родник Тамгадж и сад Шустара** — названия местностей в Иране, где выращивается много фруктов. Хагани хочет сказать, что духовное богатство его дяди неиссякаемо.

Восхваление ширвашаха Манучхра и жалоба на его сына Ахспана

- 1 Кеера (Анушираван) — известный царь Сасанидов (VI в. н. э.).
2 Али — четвертый Халиф, зять пророка Мухаммеда.

Восхваление Джамаледдина Мосульского

- 1 **Джебраил** — имя ангела.
2 **Пери** — фея, красавица.
3 **Ходжа или хаджа** — здесь: господин, хозяин.
4 **Кааба** — священный храм в городе Мекке (Ирака), где похоронен пророк Мухаммед. У мусульман существует давнишний обычай паломничества на могилу Мухаммеда в Мекку и в священный храм Кааба.

ЖАЛОБА НА ЭПОХУ И СОВРЕМЕННИКОВ

- 1 **Айя** — стихи корана. В коране имеются специальные айе о верности.
2 **Шахрабани** — дочь последнего царя Сасанидов Ездикурда III.
3 **Омар** — второй халиф после пророка Мухаммеда.
4 **Заль и Сам** — герои эпопеи Фирдоуси «Шахнаме».
5 **Идрис** — пророк, прославленный как искусный портной.
6 **Махаррам и Сафар** — название месяцев у арабов. Согласно средневековой мусульманской астрологии, месяц Махаррам считается благотворительным, а Сафар — месяцем неудачи.
7 **Сафар** — путешествие, **сагар** — ад. Здесь Хагани, пользуясь начертаниями арабских букв, играет словами. Добавлением только одной точки сафар — путешествие превращается в сагар — ад.
8 **Масневи** — арабское слово, означает буквально «сдвоенное». Название стихотворной формы, в которой оба полустишия, составляющие один байт (двустипие), попарно рифмуются между собой. Эта форма применялась, главным образом, в эпической поэзии.
9 Первые две буквы слова Шарван — «шар» означают в арабском начертании зло. Дальше всюду дается игра слов: **шар** — зло, **шариат** — вера; **бешар** — человечество.
10 **Шарк** — восток, **гарб** — запад, **гар** — блудница; **гариб** — чужестранец; **бад** — плохой; **таб** — маячня.
11 **Аху** — джйран, с нун которого получают ароматный мускус; но по значению аху — недостаток.

ТЮРЕМНЫЕ ОДЫ

Восхваление Византийского Кейсара. Жалоба о своем заключении и просьба о помощи для своего освобождения

- 1 Как известно, арабское письмо идет справа налево, а христианское, наоборот, слева направо.
2 **Игаа Исв** — согласно религиозной легенде Иисус (Иса) задержался на четвертом небе, так как у него была обнаружена земная вещь — игла Марии (Мариам).
3 **Крест в окне** — крестообразная решетка в окне тюрьмы, где сидел Хагани; кроме того, пересечение экватора и меридиана на небе.
4 **Кей-Хосров Ирана и Турана** — древнеперсидский царь, воспетый в «Шахнаме» Фирдоуси. Туран — древнее название Туркестана.
5 **Бижан** — один из героев Фирдоуси в его «Шахнаме». Бижан был брошен в колодезь, откуда его извлек легендарный герой «Шахнаме» Рустам.
6 Намек на апокриф: Иисус делал из гнилы птичек и оживлял их. Этими птицами были летучие мыши.
7 **Хиджра** — мусульманское летоисчисление, начинающееся с переезда пророка Мухаммеда из Мекки в Медину.
8 Здесь имеет место игра слов; ата на по-арабски означает «мы покорились». Это слово начинается и кончается буквой «алиф», а в середине остается та и, т. е. упрек, укор.
9 **Аббасиды** — династия арабских халифов с IX по XIII в.
10 **Сельджукиды** — представители династии среднеазиатских тюркских правителей.
11 **Бокра и Арслан султан** — имена правителей, современников Хагани.
12 **Начармакеви и Мухрапи** — названия христианских церквей и монастырей.
13 **Садрей-хара** — название полосатой материи, которой пользовались патриархи.
14 **Тейлессан** — название одежды духовных лиц — плащ.
15 **Шейх Сан-ан** — известный герой одной легенды, представитель мусульманского духовенства. Шейх Сан-ан влюбился в грузинку и из любви к ней принял все условия ее отца, противоречащие требованиям религии ислама.
16 **Яковиты, мелькиты, несторяны** — известные епископы у христиан.
17 **Пролемей** — знаменитый древнегреческий математик-астроном.
18 **Зенд-Авеста**. После уничтожения «Авесты» Александром Македонским в III в. н. э. этот памятник зороастрийской культуры был восстановлен со слов народа. И эта новая книга называется «Зенд-Авестой».
19 **Пазенд** — комментарий к «Авесте».
20 Намек на предание о том, что огонь впервые был зажжен Нимрудом, куда и бросили Авраама.
21 **Лук** — известный греческий философ.
22 **Мани** — известный художник. Собрание его картин называется «Артанком». Византийский философ, написав произведение под названием «Танкадуш», противопоставил его «Артанку» Мани.
23 **Месяц Тир** — название месяца по солнечному летоисчислению.

Нисан — весенний месяц по-турецки. Иранский тир совпадает с турецким нисаном.

24 Бурджейс — планета Юпитер.

О заточении

1 Джейхун — река Аму-Дарья в Средней Азии. Самаркандский вздох — т. е. горячий вздох. Поэт говорит о своем внутреннем горении, а слезы свои считает подобными потоку реки Джейхун.

Жалоба о заключении в цепи

1 Зухак — согласно древнеперсидской легенде, один из персонажей «Шахнаме» Фирдоуси, из плеч которого выросли змеи, питающиеся мозгами людей. Его победил только знаменитый кузнец Гиве. Под змеями Зухака Хагани подразумевал извивающиеся на его руках и ногах цепи.

ЭЛЕГИИ

На смерть дочери

1 Самака — арабское название звезды.

2 Абдулмаджид — зять поэта.

На смерть Насреддина Ибрагима

1 Анка — название легендарной птицы, жившей на горе Каф.

2 Имеется в виду Курбан байрам (праздник жертвоприношения). По религиозному обычаю в этот день приносят в жертву барана.

3 Хафтикан — семь талисманов, коих сломали два героя «Шахнаме» — Рустам и Исфендияр.

4 Первая буква арабского алфавита «алиф» (ا) по цифровому значению равняется 1. Поэт хочет сказать, что, несмотря на прямоту, «алиф» по значению самая ничтожная среди других букв алфавита. Но буква «гейн» (ع) по расчету Абджед равна 1000, а по начертанию — кривая.

5 Намаз — молитва. Тут имеется в виду молитва при похоронах покойника.

6 Деждал — антихрист, который по религиозным преданиям происходит якобы из Исфагана (Ирана).

7 В этом двустишии имеет место игра слов: анга по начертанию арабских букв пишется четырьмя буквами, при выпадении буквы «г» остается ана, т. е. мучение.

8 Гилян — имеется в виду гилянское племя — дейламиды.

СТИХИ РАЗНОГО ХАРАКТЕРА

Развалины Медина

1 Медина — древний город в Ираке на берегу реки Тигра. До нашествия арабов являлся столицей сасанидских царей и славился своими архитектурными ценностями. Во время нашествия

арабов город окончательно был разрушен, остались только развалины, которые видел Хагани во время своего путешествия.

2 Куфа — известный древний город в Ираке в 150 километрах к югу от Багдада. Город основан в начале первого века хиджры (VII в.). В его благоустройстве были использованы ценные камни и мрамор из развалин Медина.

3 Прославленный тандыр. Имеется в виду тандыр (т. е. глиняная печь для хлеба) известной куфийской старушки. Согласно религиозной легенде, во время Ноева потопа вода не могла потушить этот тандыр. В следующем двустишии были использованы «пылающий тандыр печали» также напоминает эту историю.

4 Нуман — сасанидский царь, который был задавлен ногами слонов. Он был знаменитым шахматистом того времени.

5 Ормузд и Нушйрван — сасанидские цари.

6 Хосров Парвиз — известный сасанидский царь.

Зеркало души

1 Нисан — весенний дождь, который, по преданию, падая в море, превращает жемчужину в перламутр.

2 Гора Джуди. По религиозному преданию концы Ноя после потопа остались на горе Джуда (один из хребтов Арарата).

3 Четыре гурни — четыре первоосновы творения — вода, огонь, земля и воздух.

4 Рука Моисея — согласно религиозной легенде, когда Моисей поднял руку для показания чудес Фараону, то рука его засветилась.

5 Вода Хызра — живительная вода.

6 Кейван — планета Сатурн.

7 Диван — собрание лирических произведений.

8 По религиозному преданию Сулейман (Соломон) являлся и пророком, и царем, владевшим огромным богатством. Дервишем называется человек, не имеющий ничего и ведущий скитальческий образ жизни. Хагани хочет сказать, что если какой-либо дервиш может обладать тем солнцем разума, который он имеет, может быть равным пророку Сулейману. Рабби-Хабали — по-арабски означает: «О люди спящие, проснитесь», т. е. не увлекайтесь мирским богатством.

9 Поэт намекает на известную игру на Востоке в средних веках «куй и чоккан», т. е. мяч и палка, вроде хоккея, но эта игра проводилась на конях.

10 Поэт намекает на обилие в Египте и голод в Кенане во время Иосифа Прекрасного.

11 Два хлеба — поэт имеет в виду солнце и луну.

12 Звезда Нахид — планета Венера.

13 Ахмед Мурсал — одно из имен пророка Мухаммеда.

14 Нун велгелем — название одной суры в Коране.

15 Афрасияб и Бижан — герои «Шахнаме» Фирдоуси. Царь Турана Афрасияб держал в заключении в колодеце одного из воинов Ирана — Бижана. Но легендарный герой Рустам освободил его.

- 16 **Аль-аф** — арабское слово, обозначающее «простить», аф-аф — лай собаки. Тут имеет место игра слов.
- 17 По древним представлениям ислама земля держится на быке, бык на рыбе, а рыба — в бесконечном океане.
- 18 **Кааба** — священный храм в городе Мекке, где находится могила пророка Мухаммеда. Мелик-шах — знаменитый сельджукский правитель, а Кадархан — правитель Самарканда.
- 19 **Гурхан** — знаменитый предводитель гузов, который своим ночным нападением победил могущественного сельджукского царя Салджара.

Желание поехать в Хорасан

- 1 **Абрахи ибн Саббах** — правитель Йемена в VII в. Он подчинился абиссинскому Нагджаншу; стремился уговорить арабов отказаться от Каабы, молиться в его церкви, но народ не послушал его. Поэтому он направил войска и слонов для того, чтобы разрушить Каабу. Вторая Кааба означает Хорасан.
- 2 **Рей** — древний город в Иране близ Тегерана.
- 3 В Хорасане, в городе Мешхеде находится могила восьмого имама — Имама Рзы, которая считается священной и туда совершаются паломничества.
- 4 **Бестам** — название местности близ Хорасана.
- 5 **Кахф** — легендарная пещера, в которой семь человек и собака проспали сотни лет. Пробудившись, они увидели совершенно другой мир. Этим людей и собаку считали священными.

ГАЗЕЛИ

- 1 **Гамаюн** (птица Умай) — птица счастья, согласно восточной легенде, если птица Умай садилась на кого-либо, его выбирали царем.
- 2 **Сулейман** (Соломон) — один из пророков доисламского периода; славился своим неисчислимым богатством.
- 3 **Табаристан** — местность в Иране. **Тарбистан** — место радости.
- 4 **Ганджа** — город в Азербайджане, ныне Кировабад.
- 5 **Азапчи** — глашатай о времени молитвы мусульман. Употребляется также в значении человека, объявляющего в общественных местах о разных событиях.
- 6 **Ахбар** — название местности в Иране.
- 7 **Рей** — название местности в Иране, близ Тегерана.
- 8 **Муштари** — планета Юпитер.
- 9 **Рыба** — созвездие Рыбы (по-арабски Хут).

КЫТЫ

Кыта (или гит'а) — арабское слово, означающее отрезок, часть, отрывок. Здесь одна из форм лирической поэзии на Востоке, близкая к газелям и касидам. Кыта пишется на философские, социально-этические и даже на любовные темы. Приблизительный объем — от 4 до 40 строк. Чаще всего встречается от 4

до 16 строк. Система рифмы такая же, как в газелях и касидах, за исключением попарно рифмующихся двустиший, т. е. в каждом двустишии первые строки свободные, рифмуются только вторые.

РУБАЙИ

- 1 **Рубайи** — четверостишие, одна из широко распространенных форм лирической поэзии на Востоке. Состоит из четырех строк (руб — по-арабски — четверка, четыре), из которых рифмуются первая, вторая и четвертая строки, а третья остается свободной. Бывают случаи, когда рифмуются все четыре строки. Рубайи в основном пишутся на философские темы, а также на темы любви.
- 2 И в 34-м и в 35-м четверостишиях в оригинале имеет место игра слов: **моди** — или, как поэт пишет, согласно диалектной форме, «мои» — по-грузински означает: иди сюда. А слово «муй», с которым рифмуется в оригинале слово «мои» по-персидски означает волос.
- 3 **Бестаамский Баязид**, или, как обычно называют, Баязид Бестами — крупнейший ученый-теолог и поэт IX в. из города Бестам в Хорасане. Считался ортодоксальным перующим и ревностным суфием, но, несмотря на это, по преданию, оказался бессильным перед любовью к красавице и покинул свою келью.
- 4 **Парви** — название совокупности семи звезд, звезд (созвездие).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Подарок двух Ираков	19
Фахрия	53
Мадхия	61
Жалоба на эпоху и современников	69
Тюремные оды	81
Элегии	97
Стихи разного характера	113
Газели	147
Кыты	193
Рубайи	211
Комментарии	227

Редактор Издательства *Д. Багдатлишвили*
 Техредактор *Ш. Агаева*
 Корректор *Е. Матевосян*

Подписано к печати 29/IV 1959 г. Формат бумаги 84×108^{1/2}₃₂. Бум. лист. 3,75.
 Печ. лист. 6,15. Уч.-изд. лист. 8. ФГ 17451. Заказ 98. Тираж 5000.
 Цена 4 руб. 65 коп.

Типография Издательства Академии наук Азербайджанской ССР,
 Баку, Рабочий проспект, 96.

TRGSK

2

E9096